

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

ИНИ ИНИАНГИН
НИМАН ИЛ МЕНДОН ТЕРКЕ

МАН МАНН

В 1937 году Александр Марков, известный советский писатель, опубликовал роман «Мамман», который стал одним из первых произведений, посвященных космическим полетам. Роман описывает путешествие человека на Луну и возвращение на Землю. В нем подробно описаны все этапы полета, от запуска ракеты до посадки на лунную поверхность. Роман был очень популярен и оказал большое влияние на формирование общественного мнения о космосе в то время.

Александр Марков был одним из самых известных советских писателей-фантастов. Он написал много произведений, посвященных космосу, и его работы были очень популярны. Его роман «Мамман» стал одним из первых произведений, посвященных космическим полетам, и оказал большое влияние на формирование общественного мнения о космосе в то время.

В 1937 году Александр Марков, известный советский писатель, опубликовал роман «Мамман», который стал одним из первых произведений, посвященных космическим полетам. Роман описывает путешествие человека на Луну и возвращение на Землю. В нем подробно описаны все этапы полета, от запуска ракеты до посадки на лунную поверхность. Роман был очень популярен и оказал большое влияние на формирование общественного мнения о космосе в то время.

В 1937 году Александр Марков, известный советский писатель, опубликовал роман «Мамман», который стал одним из первых произведений, посвященных космическим полетам. Роман описывает путешествие человека на Луну и возвращение на Землю. В нем подробно описаны все этапы полета, от запуска ракеты до посадки на лунную поверхность. Роман был очень популярен и оказал большое влияние на формирование общественного мнения о космосе в то время.

1937. Русские на Луне

Александр Марков

1937. Русские на Луне

«Автор»

2023

Марков А. В.

1937. Русские на Луне / А. В. Марков — «Автор», 2023

Это наше время альтернативное. На самом деле все было совсем не так. Российская Империя не могла проиграть в Первой мировой войне. Война закончилась в начале 1917-го. Российская Империя получила турецкие проливы и Константинополь. Но что дальше? Российский кино-продюсер задумывает поставить сенсационную «фильму» о первой высадке человека на Луну. В это время прославленный асс Александр Шешель возвращается домой. ОН думает, чем бы ему заняться, ведь военных пилотов так много, что далеко не всем им найдется работа по профилю и тут он получает предложение, от которого не может отказаться.. Роман выходил в издательстве Эксмо-Яуза в серии «Военно-историческая фантастика».

© Марков А. В., 2023

© Автор, 2023

Александр Марков

1937. Русские на Луне

Пролог

Нос катера распугивал воду, поднимая вверх стаи брызг.

Мало радости слизывать с обветренного лица соленые капли.

Капитан-лейтенант Владислав Крамцов не мог укрыться от брызг, да и не старался уже. Одежда его постепенно промокла. Где-то в глубине, под слоем свитеров, маек и кителей, еще сохранилось немного тепла, но вскоре влага прогонит его, приникнет к телу, а вместе с ней придет холод, который начнет потешаться над Крамцовым, заставляя выбивать зубами дробь. Они уже начинали стучать друг о друга, точно репетировали мелодию, которую им предстояло еще исполнить.

Изредка он подносил к слезящимся от беспробудного бодрствования глазам бинокль, притягивал к себе поближе горизонт, но тот убегал от него, все равно не доступный для взора.

Черноватая, будто в ней растворилось немного чернил, вода волновалась, оставаясь пустой и безжизненной, плавно переходя в такие же грязные небеса. Черта, разделяющая их, почти не различалась.

Если разогнать катер, выжимая из кашляющих механизмов все, на что они еще были способны, и закрыть глаза, то не заметишь, как окажешься на небесах, начнешь взбираться по ним все выше и выше. Пока не найдешь тех, кто прошел этой дорогой чуть раньше.

Но прежде прогремит взрыв. Вполне вероятно, что ты и понять-то не успеешь, что катер натолкнулся на колючую мину, похожую на морского ежа, всплывшего на поверхность моря проведать – что же там происходит. Германские миноносцы щедро засеяли такими ежами море, русские – отвечали им тем же.

Море позади него вспухало, будто из толщ воды вырывался наружу скопившийся там гной или гигантский кит выстреливал фонтанами воздух, прочищая свои легкие, а заодно старлся угодить в днище катера. Но он не брал в расчет, что катер слишком быстро движется.

Вода опадала, а потом вновь вспухала. Все так же в метрах пятидесяти за кормой катера.

Ученые, которые занимаются поисками морских обитателей, отдали бы многое, чтобы посмотреть на такого кита, но капитан-лейтенанту нужно было совсем другое.

Он искал подводные лодки. Чтобы приманить их, надо вывести в море жирный транспорт, нагруженный провиантом и оружием, оставить его якобы без прикрытия, чтобы он в ужасе крался по морским волнам, боясь, что его кто-то заметит. Может, тогда удастся увидеть, как из морских глубин поднимается перископ.

До моряков долетали отзвуки взрыва, а на поверхности, когда вода немного успокаивалась, колыхалась оглушенная рыба. Только рыба. И ни одной оглушенной подводной лодки. Может, они ошиблись? Нужно ловить на что-то другое, а не на глубинные бомбы? Мимо торгового судна с жирным брюхом лодка не пройдет стороной, поднимется и запустит в него торпедой.

Он чувствовал себя браконьером.

Он не соблюдал правила игры.

Вот отчего у него было так противно на душе.

Моряки на корме уподобились рабочим с заводов Форда, которых сослали трудиться на конвейере. Механическая работа. Из трюма по ленте транспортера поднимались глубинные бомбы в деревянных ящиках. Точно в гробу лежали. Моряки освобождали их, приводили в боевое состояние, сталкивали за борт, как контрабандисты, которые, завидев полицейских,

хотят побыстрее избавиться от груза, чтобы потом, когда полицейские их поймают, состроить на лицах невинные выражения: «дескать, какая контрабанда. Мы законопослушные граждане» и скрыть за этим разочарование.

Капитан-лейтенант уже устал его скрывать.

– Товсь.

Пауза.

– Пошла.

Всплеск.

Взрыв.

И все опять повторялось в такой же последовательности.

Вода смыкалась над бомбами, выкрашенными бледно-серой краской, принимая их и еще не зная, что же это на самом деле. Она думала, что это обычные подарки, которые частенько бросают люди на морское дно. Раньше встречались корабли, нагруженные золотом. От времени их деревянные борта окаменели, покрылись толстым слоем ракушек, спрятались в зарослях водорослей. Теперь их не найти, ну, может, только, если люди взамен предложат что-то более ценное.

Крамцов не мог уже смотреть назад, устав от вида оглушенных рыб, а впереди тоже смотреть было не на что. Море оставалось пустым.

Раскаты грома постоянно висели в небесах. Иногда он видел вспышки. Слева. Почти возле воды. Далеко. За линией горизонта. Лишь отблески их отражались на облаках, как свет Солнца или Земли отражается на лунной поверхности. Бинобль почти не приближал их. До них было слишком далеко.

Крамцов знал, что там штурмовые части Российской армии высаживаются на Рюгхольд.

В радиоэфире царил хаос. Одновременно переговаривалось слишком много людей. Подслушав их, Крамцов выяснил, что бомбардировщикам не удалось полностью подавить огонь зенитных орудий и теперь транспортные аэропланы высаживают солдат на единственном аэродроме острова под сильным обстрелом. Они несли большие потери, но на аэродроме уже закрепились. Штурмовики полковника Мазурова, выбросившись на парашютах над восточным побережьем, сразу после приземления вступили в рукопашную, постепенно оттесняя немецких пехотинцев в глубь острова. Им необходимо было создать плацдарм до того, как к восточному побережью подойдут транспортные корабли с основными войсками и тяжелой техникой.

Крамцову хотелось быть там.

Но этот гул отвлекал его.

Такое чувство, будто за тобой кто-то подсматривает, а Крамцов привык делать свою работу в одиночестве. В одиночестве легче творить подлость. Стать бы друг против друга с расчехленными орудиями и всаживать в борт неприятеля снаряд за снарядом, пока он не запросит пощады или пока твой корабль не превратится в тонущее корыто.

Его катер слишком маленький. Акула не обратит внимания на такую маленькую рыбку. Подводники не станут тратить на него торпеду. Но он знал, что они где-то близко. Прячутся под толщей воды. После его укусов она оставалась чистой, без примесей машинного масла и топлива, которое вытекло из поврежденных взрывами баков, без обломков, без...

Но он мешал им, как заноза, застрявшая в ладони, как зубная боль.

Отвратительно чувствовать себя только лишь зубной болью.

С каким бы удовольствием он погладил рубку подводной лодки длинной пулеметной очередью. Он не пожалел бы патронов. Пулемет стоит без дела на турели на носу катера, наклонив дуло к палубе. Там, наверное, уже все заржавело от соленых брызг, а патроны прилипли к стволу и лентам.

Что-то заставило его оглянуться.

Море неправильно прочитало его мысли. Сам виноват. Надо было о подводной лодке не думать, а кричать, точно у золотой рыбки просишь исполнения заветного желания.

«Золотая рыбка. Хочу подводную лодку».

Тогда бы его слышали, а может, и нет. Сильный ветер мог унести слова.

По небу струился дымный след. Он приближался. Моряки показывали на него пальцами. Истребитель. Русский.

Крылья аэроплана цеплялись за воздух, но он все равно терял высоту, как человек, висевший над пропастью. Он хватается кончиками пальцев за камни, но силы покидают его. Он ищет опору, но пальцы скользят по камням и не могут его удержать.

Взорвать бы под ним глубинную бомбу, чтобы фонтан брызг, ударив снизу по крыльям, подбросил аэроплан вверх. Может, тогда он опять сможет летать.

– Прекратить бомбометание.

Катер уходил от последней сброшенной за борт бомбы. Когда расцвел взрыв, капитан-лейтенант вновь закричал.

– Стоп машина, – сказал Крамцов, прикидывая, где упадет аэроплан. Впоследствии оказалось, что он почти угадал.

Катер протащило еще несколько десятков метров, прежде чем он остановился.

Они были зрителями, от которых пока ничего не зависело. Время для них застыло. И только для пилота аэроплана оно продолжало идти с обычной скоростью.

Капитан-лейтенант приложил к глазам бинокль.

Двигатель аэроплана уже не работал. Он летел тихо. Будто смерть. «Летучий голландец» небес.

Наваждение. Впору протереть глаза. Тогда все исчезнет, все окажется только видением, сотрется, как стирается краска, когда по ней проведешь растворителем. И темное небо, и всполохи за горизонтом, и черная вода.

До берега было слишком далеко. Пилот давно понял, что аэроплан не дотянет до суши. В воде он продержался бы не более получаса. Если бы он не увидел катер, то покидать аэроплан смысла не было.

Он стал отстегивать ремни, которые привязывали его к креслу. От этих движений аэроплан осел, точно провалился в воздушную яму.

Пилот отворачивался от дыма. Лицо все равно закоптелось. Он закрыл нос и рот шарфом, который некогда был белым, а теперь посерел. Гарь въелась в него, так что ее теперь и не выгнать. Глаза пилота закрывали большие очки.

На двигателе расцвели лепестки огня. Это подстегнуло пилота. Когда он выбирался из аэроплана, шарф слез почти на шею, обнажая полоску розовой кожи. На нее тут же набросился дым, но раскрасить так и не успел.

Пилот перевалился через борт аэроплана и камнем пошел вниз, как самоубийца, решивший утопиться. На спине у него рос горб. Издали его можно было принять за камень, который самоубийца взял с собой, чтобы побыстрее пойти на дно.

Неожиданно Крамцов понял, что ему нет надобности все время заглядывать в бинокль. Все происходило очень близко. Он и без оптики мог все превосходно разглядеть. Бинокль только мешал ему охватить все разом.

Пилот дернул за что-то у себя на груди. Горб порвался, будто там были сложены прозрачные как слюда крылья. Будто это и не человек вовсе, а ангел, который, облачившись в людскую одежду, хотел кого-то обмануть, а теперь пришло время раскрыться.

Над ним раскрылся белый купол, а сам пилот повис на лямках, как марионетка, но веревочки крепились только к его телу, а не к рукам и ногам, поэтому он оставался неподвижен, точно его парализовало.

Взгляды капитан-лейтенанта и пилота встретились. Рука пилота чуть поднялась, и он помахал ею, а на лице его появилось что-то похожее на улыбку.

Капитан-лейтенант помахал в ответ.

Аэроплан, избавившись от пилота, выпрямился. Полет его стал почти горизонтальным, и, будь под ним твердая поверхность, он сумел бы сесть. Спустя несколько мгновений колеса его провалились в воду, завязли в ней, как в болоте, подняв мириады брызг. Они загасили огонь, который уже принялся поедать обшивку аэроплана, и разметали дым.

Казалось, что аэроплан сумеет хотя бы удержаться на волнах, если его отвергли небеса. Но ему было уготовано судьбой падать еще ниже – так велики были его грехи.

Создатель отвернулся от всех – и от тех, кто носил на себе кресты, и от тех, у кого опознавательными знаками были трехцветные круги. Все они одинаково хорошо горели и все падали.

На воде расплылось маслянистое пятно, будто из бортов подводной лодки начало вытекать топливо, как кровь из раны, а вместо него в трещины просачивалась соленая вода. Она в конце концов утащит лодку на дно.

За несколько секунд до того, как вода приняла пилота, он отстегнул парашют. Ветер чуть отнес его в сторону. Он лег на воду, белой заплаткой распластавшись на поверхности, как огромная, выброшенная на мелководье, медуза.

Пилот вошел в воду почти без брызг, но погрузился с головой. Через секунду он вновь возник над поверхностью и стал хватать ртом воздух. Он так долго дышал едким дымом, что теперь вдыхал свежий воздух полной грудью. Он пил его и все никак не мог напиться. Так и опьянеть можно. От катера его отделяло метров пятьдесят.

Время пошло в обычном темпе, даже чуть быстрее, компенсируя недавнее замедление.

– Машина малый ход, – крикнул Крамцов.

Они стали тихо подбираться к пилоту, который покачивался на волнах, как поплавок. Вода была холодной. Не скоро она прогреется до той температуры, когда купаться станет приятно. Пока же тот, кто решится на подобные процедуры, рисковал подхватить в лучшем случае простуду, в худшем – летальный исход из-за переохлаждения организма. Все зависело от времени.

Катер, развернувшись к пилоту левым бортом, остановился. Моряки бросили спасательный круг. Он плюхнулся в воду рядом с пилотом, чуть окатив его брызгами. Пилот поднырнул под круг, просунул вначале руки, потом насадил его на себя.

Матросы потянули веревку, привязанную к кругу, подтаскивая пилота к борту катера, а потом сразу несколько рук выдернули пилота из воды, как морковку с грядки.

– Благодарю, – сказал пилот, вставая на ноги.

Его чуть шатало.

Крамцов заметил, что пилот не расстался не только с шарфом, который по-прежнему, как удав, обволакивал его шею, но и с тяжелыми ботинками. Он лишь очки передвинул на лоб. Под ними остался слой не окрашенной копотью светлой кожи, а поэтому казалось, что очки у него все равно на глазах. На левой щеке шрам. Старый шрам. Крамцов догадался, что пилот получил его еще до войны.

– Рад приветствовать вас на борту моего катера. Капитан-лейтенант Михаил Крамцов.

– Благодарю за чудесное спасение. Майор Александр Шешель. Без вас я вскоре пошел бы на корм рыбам.

«Медаль за спасение утопающих еще дадут», – подумал Крамцов. Но этой мыслью он ни с кем не поделился.

Пилота начала бить дрожь. Первые слова он выговорил четко, последние дались ему с трудом под аккомпанемент стучащих друг о друга зубов.

– Скорее пойдемте в каюту. Подберем для вас что-нибудь сухое. И чтобы не простудиться, придется вам принять лекарство.

– Д-д-д-огадываюсь к-к-акое, – сказал пилот.

Он посмотрел на море. Но от аэроплана уже ничего не осталось. Даже кругов на воде. И маслянистый след растворился. Будто и не было ничего. Море слишком быстро стирает все следы. Жаль.

Шешель долго преследовал немецкий аэроплан, сбил его и стал возвращаться на базу, когда у него сломался двигатель. До Рюгхольда было дальше, чем до большой земли. Ему не пришлось выбирать – куда лететь. Но он знал, что до базы ему не дотянуть.

Ему повезло. Он опять сумел перехитрить смерть, а ведь она почти заманила его в ловушку.

Каюта – это слишком громкое название для того помещения, в котором они оказались, зажатые со всех сторон стальными пластинами. Здесь было так же тесно, как в гробу.

Со стен начинала облупливаться краска, сползая, как старая кожа со змеи, но новой под ней не было, а только металл с проплешинами ржавчины. Местами краска вздулась как после ожога.

– Садитесь, – Крамцов показал на аккуратно застеленную койку. Ее едва втиснули в каюту. На ней и не вытянешься в полный рост.

«Такое все маленькое здесь, будто рассчитывали, что на катере плавать будут одни карлики. Тяжело приходится тем, у кого нормальный рост», – посмотрев на капитан-лейтенанта, подумал Шешель.

– Все промокнет.

– Ничего. Высохнет.

Здесь можно было спрятаться от ветра, дождя и брызг, но, чтобы согреться, нужно идти в машинное отделение, где истекали потом от жары в душной промасленной атмосфере мотористы, вдыхая угольную пыльцу. Натолкнись катер на мину, им не спастись. Они не успеют понять, что произошло.

Крамцов открыл дверку небольшой тумбочки, вытащил бутылку водки и стакан, налил его почти доверху.

– Лекарство.

Шешель взял стакан. Рука его чуть дрожала. Он быстро, пока не расплескал содержимое стакана, поднес его к губам, выпил двумя глотками. В желудке разгорелся костер. Тепло от него стало растекаться по всему телу.

– Теперь есть надежда, что вы не простудитесь.

В дверь постучали.

– Да? – сказал Крамцов.

Это матрос принес комок одежды. Крамцов взял его, поблагодарив, протянул пилоту. Там были белые холщовые брюки с синей полоской вдоль боков, белый китель, полосатая майка, носки.

– Спасибо, – сказал пилот, развязывая шарф.

– Переодевайтесь. Вы хотите есть?

– Нет.

– Я скоро вернусь.

Одежда была сшита из грубой ткани, немногим мягче наждачной бумаги. Но она хорошо согревала.

Дрожь прошла. Каюта перед глазами ходила из стороны в сторону. К горлу стала подступать тошнота. От качки, что ли?

Шешель вдруг ощутил себя путешественником, который возвращается домой после долгого путешествия.

Война заканчивалась.

Мы победили!

Центральные государства – разбиты. Почти разбиты. Никто не сможет остановить нас, никто не сможет диктовать нам условий, кроме... союзников.

Что-то глухо ухнуло. Совсем близко. Стены завибрировали.

«Глубинные бомбы», – догадался Шешель.

Это продолжалось недолго. Трюмы опустели. Они не были бездонными, как могло показаться это экипажу немецкой подводной лодки, лежащей на дне в ожидании, когда же русские уйдут.

В каюту вернулся Крамцов.

– Как самочувствие?

– Лучше не бывает.

– Это вы хватили. Мы возвращаемся на базу. Надо запасы глубинных бомб пополнить. На берегу вас будут ждать. Я сообщил по радиации. Из эскадры за вами пришлют авто.

– Спасибо.

Капитан-лейтенант вернулся обратно в море, когда уже спустилась ночь. Границу между водой и небесами обозначали серебристые отблески Луны, которые, отражаясь на волнах, мерцали будто чешуя рыб. Они плескались на волнах и не знали покоя. Их еще не оглушили глубинными бомбами. Недолго осталось ждать.

Ночь – хорошее время для ловли.

Но Крамцов вытряхнул в море почти все свои запасы, прежде чем добился-таки, чтобы среди оглушенных рыб появилось еще и маслянистое пятно от потопленной подводной лодки.

1

Александр Шешель сидел в углу кондитерской лицом к входной двери. За те несколько минут, что он был здесь, она открылась лишь однажды, выпуская на улицу тучного посетителя, весь внешний вид которого выдавал любителя сладостей.

Поковыряв серебряной ложечкой пирожное, Шешель обвалил его вершину, ловко подцепил клубнику, обсыпанную сахарной пудрой, вместе с легкой, воздушной кремовой начинкой, поднес ко рту, слизнул все это божественное произведение местного кондитера с ложечки и принялся медленно пережевывать, смотря вслед все еще видневшемуся за стеклом тучному сладкоежке. Тот, надев котелок, двинулся размеренной походкой, размахивая в такт с шагами длинной тростью с костяным набалдашником. Если Шешель будет давать волю своим желаниям, то когда-нибудь превратится в такого же обрюзгшего завсегдатая кондитерских, расстаться которому студнем по стулу мешает лишь одежда, сшитая из очень прочной ткани. Но и она трещит, когда он садится. В кабине аэроплана тогда не уместиться.

А, будь что будет. Он слишком долго ходил по лезвию ножа, да так и не свалился с него в объятия смерти. Что же теперь бояться потолстеть? Разве это горе?

Он слизнул крем с губ, запил кофе, а когда, оторвав чашечку ото рта, поставил ее на блюдце, она зазвенела, как колокольчик. Дзин-дзинь. Ки-тай. Как далеко. Как приятно. И на вкус и на звук. Он ударил по блюдечку ложечкой, но звук на этот раз получился не столь музыкальный, а глухой, барабанные перепонки совсем не ласкающий. По бокам чашечки тянулись какие-то иероглифы. Может, ее привезли из Циндао, отошедшего к Российской империи после подписания мирного соглашения между Антантой и центральными государствами? Но, чтобы проверить эту догадку, пришлось бы переворачивать чашечку доньшком вниз или высоко поднимать ее, чтобы посмотреть, какая на ней маркировка. Так можно и кофе на себя пролить. Он горячий. Если на лицо попадет или хоть на руки – обваришься, кожа покраснеет, будто ее долго мучили под солнечными лучами.

Все его пожитки умещались в небольшом кожаном саквояже. Шешель поставил его возле ног, но часто задевал и невольно все дальше и дальше задвигал под стол. Когда время уходить придет, достать его будет трудновато, придется нагибаться, под стол лезть и шарить там, будто монетку обронил и все никак не можешь ее нащупать.

Шешель забился в уголок, чтобы никто не видел, как он расправляется с чудесным произведением местного кондитера. Откусывая по маленькому кусочку, он точно разрушал красивую маленькую статуэтку. Позор. Варвар, ничего не понимающий в прекрасном.

В кондитерской, помимо него, осталось всего два человека – парочка влюбленных, которые так были заняты собой, что им и дела не было до остального мира, и начини он сейчас рушиться, они, пожалуй, и не заметили бы этого, продолжая сжимать друг другу руки и смотреть в глаза.

Молодой человек в мышинного цвета форме железнодорожного университета, с неприятным лицом, которое забываешь сразу же, как только от него отвернешься, а, повернувшись обратно и увидев его вновь, уже и не помнишь – встречал ли его прежде. Для шпиона – незаменимая черта.

Девушку Шешель разглядеть не мог. Она сидела к нему затылком. Взгляду его были доступны ее очень длинные густые белые локоны. Сквозь них пробивалось оттопыренное ушко, похожее на риф, возвышающийся над волнами, а свет, льющийся через витрину кондитерской, делал его почти прозрачным.

Право же, не тактично так пристально рассматривать влюбленных. Заметь это, студент мог бы рассердиться, устроить скандал, обозвав Шешеля «хамом» и потребовав у него извинений. Но вполне вероятно, что весь его пыл растает как утренний туман с наступлением дня, пока он, отодвинув стул, пройдет не спеша те несколько метров, что их разделяют, и увидит появляющееся из тени обезображенное шрамом лицо своего обидчика. Потом на нем прорежется еще один – чуть разомкнувшиеся в улыбке губы еще больше перекосят лицо, и тогда уже студент будет извиняться перед боевым офицером, да еще и авиатором, что смел побеспокоить его, сконфуженно отойдет, чуть ссутулившись, точно оплеуху получил, на которую ответить достойно не смог. После этого разговор с дамой сердца у него уже клеиться не будет и он постарается быстрее увести ее отсюда.

Шешель, уставившись в витрину кондитерской, попытался найти там свое отражение, но до стекла было слишком далеко и там отражались лишь стоящие возле него пустые столики, а за ней мелькали люди и экипажи.

У многих его лицо вызывало чувство жалости. Это начинало злить. Не может же он всем и каждому разъяснять, что шрам этот он получил вовсе не на войне, хотя и тех, что он на войне заработал, – хватало, но этот достался ему в Марселе во время драки с британскими моряками. Это было еще до войны.

Вот ведь даже кондитер хотел всучить ему кофе и пирожное бесплатно, как нищему, и смутился, чуть покраснев, когда Шешель от этой подачи отказался, выложив на прилавок из своего кошелька несколько банкнот. Пирожное, как и кофе, хоть торговые пути и открылись и теперь транспортом, доставляющим колониальные товары из-за океана, не грозили германские субмарины, все еще оставалось удовольствием дорогим. Но очевидно, что скоро, может, уже осенью, цены на продукты резко пойдут вниз. Война-то закончилась. Отчего же так грустно на душе?

В окне виднелся кусок железной фермы вокзала, прикрытый армированным стеклом. Он возвышался горбатой спиной над крышами домов и, наверное, поначалу казался обывателям таким же ужасным, как в свое время Эйфелева башня. Несмотря на многочисленные требования горожан, вокзал не снесли, потом к нему привыкли, и тех, кто ворчал, глядя на него, обзывая «монстром», становилось все меньше. Недалеко то время, когда его начнут боготворить,

печатать на открытках, как один из символов Москвы, наряду с Кремлем и Храмом Христа Спасителя.

Шешель не мог ответить на вопрос: «Почему он остановился здесь?»

Сидя в мягком кресле вагона, качаясь в такт с его покачиваниями, он слушал, как стучат колеса на стыках рельсов, и все повторял в ритм с ними: «домой-домой, домой-домой». Он не хотел нигде задерживаться. Но, когда паровоз, привезший его из Варшавы, просигналил долгим гудком о своем прибытии, будто пестрая многочисленная толпа, собравшаяся на перроне, без этого его и не замечала, втянул следом за собой на вокзал уставшую цепочку разношерстных, собранных впопыхах из разных составов, вагонов, отчего и выкрашены они были в разные цвета и какие-то из них прежде бегали только по Великому Польскому княжеству, а другие совершали далекие вояжи вплоть до Даоляня и Владивостока, а вместе все они никак не походили на те скорые составы, что до войны курсировали по линии Москва – Варшава, так вот в эту секунду у Шешеля, который, прислонившись лбом к холодному стеклу, смотрел, как люди на перроне заглядывают в окна состава, скользят по лицам тех, кто едет в поезде, и машут им руками, защемило сердце.

«Здесь его судьба».

От такой догадки ему стало холодно. Он спрятал глаза, заслонив их рукой. Что-то легкое упало ему на затылок, скатилось по спине на пол вагона. Он опустил взгляд вниз. Там лежала багряная роза. Шешель не видел, кто ее кинул. Он поднял цветок, посмотрел в окно, отчего-то надеясь увидеть на перроне знакомое лицо.

Так много людей.

Все чужие.

Встречали-то не его.

Чумазый помощник машиниста, смахнув с лица сажу испачканным в угольной крошке рукавом, отчего лицо его сделалось еще более черным, будто у негра, высовывался из паровоза и что-то радостно кричал. Голос его заглушал долгий гудок, а когда он затих, замолчал и помощник машиниста, спрятавшись в кабине.

Паровоз заклинил колеса и выпустил клубы пара, но вагоны еще продолжали двигаться. Натолкнувшись на паровоз, они протащили его еще на несколько метров, гремя сцепками и вздрагивая, а потом встали и они.

Волна людей подступила почти к самому поезду.

«Домой-домой».

Он почти приехал.

Ощущение после подписания мирного договора оказалось какое-то двойственное. С одной стороны, радость оттого, что война закончилась, но радость эта стала быстро исчезать, а вместо нее появился какой-то гниlostный запах гарнизонной службы, которой ему предстояло вдоволь нахлебаться, если он захочет оставить погоны на своих плечах. Объективно, если, конечно, правительство не вздумает вскоре втянуть страну в какую-нибудь новую крупномасштабную войну, не было никаких причин сохранять огромную армию. К пилотам, правда, счет предъявлялся совсем другой, чем, скажем, к пехотинцам или артиллеристам. Шешеля долго и настойчиво уговаривали остаться, пророча повышение в звании и быстрое продвижение по служебной лестнице. Но пилотов, оставшихся не у дел, было слишком много. Вероятно, и им обещали золотые горы, но лишь единицы действительно получают их, а может, и никто. Шешелю обзавестись генеральскими эполетами лет этак через пятнадцать вполне было по силам, и пока он не ушел в отставку.

Изобилие вернувшихся с поля брани заслуженных офицеров, увешанных наградами, как новогодние елки украшениями, ощущалось повсюду. Даже если они были в штатском – выражение глаз, походка и движения выдавали их, выделяя в толпе. Ошибочно думать, что везде их ждали с распростертыми объятиями и стоит им переступить порог какого-нибудь учреждения,

как тут же предложат выгодную работу с хорошим окладом. Нет. Напротив. Встречали приветливо, но предложениями хорошими не обнадеживали, предпочитая побыстрее спровадить такого гостя, а то и на порог не пускали, ссылаясь, что руководства нет, и неизвестно когда оно будет. А пилоты считались людьми неуравновешенными, неуживчивыми, потому что в здравом уме человек не будет вытворять то, что они делали на своих аэропланах. Нормальный человек и вовсе в небеса подниматься не станет. На земле надежнее. Считалось, что психика пилотов более всего пострадала во время войны. Тот, кто хоть раз побывал в небесах, вряд ли сумеет перейти к спокойной работе в какой-нибудь конторе. Пилоты были наименее привлекательными кандидатурами для работодателей.

Время уходило. Помешивая ложечкой кофе, пока он вовсе не остынет и станет почти не ощутимым ни на языке, ни в желудке, он сможет отыграть еще минут пятнадцать. Но это ничего не решало. Потом ему придется выбираться на улицу.

Смотреть на часы не хотелось. Он все еще пребывал в сомнении, что ему делать дальше, выбирая из тех скудных вариантов, что были ему предоставлены.

Идти на завод, производивший аэропланы, на должность испытателя либо на такую же должность, но на завод автомобильный, хотя многие продукцию эту совмещали и делали и то и другое. Вот только когда закончилась война, производство аэропланов стали сворачивать.

Эскадру после подписания мирного соглашения, которое Шешель встретил в Восточной Пруссии, перебросили под Познань. Берлин был в трех часах полета. Топлива в аэропланах хватило бы на кругосветный перелет. Пилоты изнывали от скуки, делая один-два вылета в день, чтобы осмотреть окрестности, слетать к границам империи, а некоторые позволяли себе даже пересечь их, все равно пограничные столбы на земле, а в воздухе никто не мешал пилотам лететь куда они захотят. Командование думало, что делать с ними дальше. Не поворачивать же эти армады, которым только дай приказ и они будут рады затмить своими крыльями солнечный свет, на Индию, как сто лет назад приказал своим казакам генерал Платов, и русская кавалерия, взявшая Париж, пошла походным маршем к берегам Ганга. Это был тот момент, когда Британская империя не смогла бы их остановить. Они смяли бы любые заслоны. Но тогда, как и сейчас, Британия была в числе союзников, а когда она потеряет этот статус, русские уже успокоятся и на Индию не пойдут.

Давно ли пределами грез было, чтобы российский флаг реял над Константинополем? Так много людей за последние полвека отдали свои жизни, чтобы это случилось, и вот мечта эта стала реальностью. И что же дальше? Славные части туркестанского округа, расширившие за полвека границы империи до Тибета, нависнув памирскими блокпостами над Индией, подавили восстание в Китае, отбили вторжение японцев на континент, но из-за этого не успели войти в Лхасу до того, как сделали это британцы. Пора исправлять это упущение.

Кровь еще кипела. Но время шло. Он чувствовал, как уходит ощущение победы. Наступали серые будни. Приходило затишье. Противники копили силы. Пройдет еще очень много времени, пока они решатся пересматривать итоги этой войны. Может, пять лет, может, десять или им отпущено четверть века мира? Четверть века в ожидании новой кампании. Он устанет ждать. Все устанут ждать. Он еще не написал рапорт об отставке. Ему хотелось летать. Очень хотелось.

Выделять на своем аэроплане фигуры высшего пилотажа, примкнув к балагану или цирку? Подавать его будут между клоунами и дрессировщиками, и значиться он будет в том же меню, на мятой бумажке, которую будут рассматривать зрители на трибунах. Предварительно надо обзавестись собственным аэропланом. Это будет совсем не трудно, учитывая то количество боевых машин, которым не могут найти применения. Вознаграждения за безупречную службу хватит, чтобы выкупить подержанный, несильно пострадавший в боях «Сикорский», который избавят от всего вооружения. Полететь бы на нем домой.

Он, уходя от тугих пулеметных очередей, умел делать такие трюки, что публика, пришедшая на представление, билась бы в истерике. Но его видели только германские пилоты да сослуживцы, а они управляли аэропланами не хуже его.

Тем, чьи кости обглодал огонь вместе со скелетами сгоревших аэропланов, в чем-то повезло. Они так и не узнали, что после войны станут никому не нужны.

Где им всем найти дело?

Воздушный цирк?

Лучше сразу застрелиться, благо пистолет всегда под рукой.

Ему причитался после отставки пансион. И в Санкт-Петербурге, и в Москве с голоду не помрешь, и в провинции вполне можно безбедно прожить, да еще восстановить хозяйство, оставленное ему одним из родственников в наследство, так чтобы оно начало приносить хоть какой-то доход. Несмотря на шрам, он может сойти за завидного жениха.

В столицах-то, скорее всего, его уже все забыли.

Земная слава коротка.

Нет, он не создан для сельского хозяйства.

У Шешеля мурашки прошли по спине, точно он забрался ногами в холодную воду, а лучше бы вначале окунул туда голову.

Или наняться в личные пилоты? Иметь личного пилота становится модно и престижно среди крупных промышленников. Особенно на Урале и в Сибири, где между городами уместаются целые европейские страны, а дело требует миновать это расстояние гораздо быстрее, чем может это курьерский поезд. Если он поспешит, то обгонит других претендентов. Но для этого надо побыстрее распрощаться с эскадрой и ехать дальше на восток. Пока не стоит. Он подождет.

Кондитерская похожа на тихую заводь, куда речные течения, бежавшие за стеклом на улицах, изредка кого-то заносили, совсем как щепку. Пока жизнь текла лениво, но к вечеру заводь переполнится, так что и мест свободных в кондитерской будет не сыскать. Перед кондитерской остановился «Руссо-Балт». Его брезентовый верх, несмотря на жару, был поднят и, вероятно, уже нагрелся, источая теперь тепло, как поставленная на огонь сковородка, а пассажиры авто сварились в салоне как в кастрюле.

Дверь распахнулась, но не так сильно, как можно было ожидать по тому жесту, с каким вламывался в кондитерскую очередной сладкоежка. Секундой ранее он выскочил из салона, да так быстро, точно ступеньки авто раскалились на солнце, и жар этот чувствовался даже через каучуковые подошвы ботинок. Он навалился на дверь всем телом, вдавливаясь в нее плечом и руками, едва не врезавшись в нее щекой, которая не достала до стекла нескольких сантиметров. Он стал бы похож на любопытного ребенка, заглядывающего в окошко, чтобы выяснить, что же прячут от него родители. Конечно, сладости...

Слишком жесткими пружинами крепилась дверь к косяку. Пружины закрипели, звякнул потревоженный открывающейся дверью колокольчик, подвешенный к потолку.

Дверь приоткрылась. Проход был чуть уже, чем тучное тело посетителя, и тому, чтобы пробраться внутрь, пришлось еще немного поднажать и упереться ногами в пол. Наконец он проскользнул в кондитерскую, увернувшись от закрывающейся двери. Она хотела ухватить его, но смогла прикоснуться лишь к полам развевающегося свободного пиджака. Сзади его подгонял поток теплого воздуха.

Человек устремился к прилавку.

Шешель не удержал улыбку. Он не стал бы обращать внимание на этого человека, если бы тот так долго не боролся с входной дверью.

Влюбленная пара уделила ему столько же внимания, сколько заслуживает жужжащий где-то в глубине комнаты комар.

Похоже, он входил в число постоянных клиентов, чей вкус кондитер успел изучить.

– Здравствуйте, Павел Сергеевич, – проговорил он, ележно расплывшись в улыбке, появившейся на его лице уж никак не из-за наблюдений за мучениями посетителя. Мог и помочь, – рад вас видеть. Вчера вечером ходил с супругой на вашу новую картину. Потрясающе. Потрясающе.

– Спасибо, – сказал толстячок, оказавшись возле прилавка, нетерпеливым видом своим намекая, что он хоть и рад похвале, но так занят, что у него совсем нет времени общаться с поклонниками. Чтобы еще больше подчеркнуть это, он забарабанил пальцами по прилавку, где громоздились горы всевозможных пирожных, от запаха которых желудок начинал что-то напевать, а если хозяин этих песен не слышал или не понимал, то бился в судорожном припадке.

– Ой, простите, что задерживаю вас, – встрепенулся кондитер, – вам ведь как всегда?

– Да, конечно.

Невысокий, толстенький. Его длинные волосы спадали почти на плечи, толстые щеки походили на перекачанный мяч. Лучше его не пугать и не расстраивать, а то сердце, заработав в учащенном режиме, перекачает ему в голову так много крови, что она обязательно лопнет. Она и так уже близка к этой катастрофе. Первые признаки надвигающейся беды – покрасневшая кожа и обильно выступивший на лбу пот, который толстячок то и дело смахивал уже давно промокшим платком. Дорогой костюм смялся уродливыми складками не только на местах естественных сгибов – на локтях и коленях, но и на спине, облепив ее, точно изнутри его смазали чем-то вязким. Человек попробовал расправить плечи, но пиджак от спины не отклеивался.

Тем временем кондитер сложил в большую картонную коробку десятка полтора разнообразных пирожных. Пожалуй, лучшую часть из той коллекции, что он создавал сегодня. На его лице промелькнуло чувство сожаления, когда он протягивал коробку через прилавок. Вряд ли он жалел, что растает с пирожными. Скорее ему хотелось еще хоть немного поговорить с посетителем.

Тот окинул зал беглым взглядом, повернулся к кондитеру и уж хотел было взять коробку, как вдруг замер, обернулся, уставился на Шешеля, так что тому сделалось неудобно и он заерзал на стуле.

– О, Александр Иванович, само небо посылает мне вас. Не далее, как сегодня утром, я о вас вспоминал, – он уже бежал к Шешелю, лавируя между столиками и стульями с ловкостью, которую с трудом можно было ожидать от столь тучного человека, и если бы он не сопроводил действия свои вступительными словами, то Шешель чего доброго подумал бы, что толстячок бросился к нему лишь с одной целью – отнять у него еще не съеденное пирожное, которого не доставало в той коллекции, что подготовил для него кондитер. Маньяк, право же, какой-то.

– Э, простите, мы знакомы? – наконец выдавил, приличия ради, вставший со своего места Шешель, перебирая в памяти все всплывшие на поверхность лица, но так и не отыскавший среди них лица толстячка. Тем не менее он протянул руку для приветствия, потому что на лице толстяка был такой восторг, каким еще минутой назад его самого встречал кондитер. Тот же чуть не перевалился через прилавок, таращась на Шешеля.

– Александр Иванович, помните одиннадцатый год, Императорский приз, который вы выиграли?

– А, – протянул Шешель, что-то припоминая, улыбаясь и пожимая влажную и мягкую, как подушка, руку толстяка. – Помню, помню. Вы в этих гонках тоже участвовали? Красный «Ройс» под номером тринадцать? Неудачное вам выпало число. А вы держались до самого конца. Мне удалось обойти вас только за две версты до финиша. Стоило мне это больших трудов и риска. Как же, как же, такое не забудешь. Только, простите, имени вашего не припомню.

Кондитер, слушающий этот разговор, от этой фразы вздохнул.

– Да, нет же, Александр Иванович, вы путаете. Я не участвовал в этих гонках. Я снимал их. Делал о них фильм. Я Павел Сергеевич Томчин.

– Ах, вот оно что.

Шешель смутился и не знал, что ему сказать дальше. Простоял так в нерешительности с несколько секунд, еще не понимая – хочет ли он продолжить эту беседу или нет, потом нашелся, указал на второй стул за своим столом.

– Присаживайтесь, Павел Сергеевич.

Вот значит, как выглядит человек, благодаря которому Шешель в одно время стал так известен, что ему приходилось прятать голову глубоко в котелок, а на глаза надевать очки с простыми стеклами, чтобы на улицах его не смогли узнать. Но шрам сводил на нет все эти ухищрения, и стоило ему лишь выйти на улицу, как тут же прохожие начинали коситься на него, пройдя немного, оборачивались, показывали пальцами и шептались меж собой. Фильм о гонках на Императорский приз по всей стране показывали.

– Благодарю за приглашение. Боюсь показаться навязчивым, но прошу вас, уважаемый Александр Иванович, ответьте мне на один вопрос – чем вы сейчас заняты?

– Смотря что вы имеете в виду?

Он все еще не понял, чем вызвал такую бурную реакцию, с ответом тянул, раздумывая – стоит ли ему откровенничать с этим человеком.

– Я знаю, вы стали авиатором. Я читал о вас в «Воздухоплавателе» и «Крыльях Родины».

Шешелю сделалось стыдно оттого, что ничем он не мог ответить на эти слова. Нет, он, конечно, мог сказать, что изредка ходит в синематограф, назвать несколько картин, которые ему понравились, но вполне вероятно, что среди них не окажется ни одной Томчина, а все его соперников. Любое упоминание о них заденет его или даже обидит.

– Какие у вас планы?

– Домой еду.

– Бога ради, Александр Иванович, требуйте с меня какую угодно плату, но только поедemте на мою студию. Это не очень далеко. Окраина Москвы, но уверяю, на авто минут за тридцать доедем, а если, – Томчин заулыбался, – вы захотите за руль сесть, то и побыстрее поспеем. Мне-то с вами тягаться невозможно, а полицейский на дороге, думаю, не будет слишком строг, если я скажу ему, кто вы.

– Зачем на студию-то ехать? – удивлялся Шешель. «Понятное дело, похвастаться хочет успехами своими передо мной, неудачником, но мне от этого какой интерес».

– Есть деловое предложение. Не хотел бы здесь об этом говорить. На студии удобнее. Не сомневайтесь, после доставлю вас куда захотите и времени уйдет совсем немного. У вас есть билет на поезд?

– Нет, еще не взял.

– Отлично, – воодушевился Томчин. Ну что же, поедemте, – сказал Шешель. «Чего ему терять?»

– Пирожные, – бросил им вслед кондитер, протягивая коробку.

– Спасибо, – сказал Томчин, – надо же, пирожные забыл. Ха. Ха.

Шешель не знал, надо ли и ему смеяться от такой забывчивости Томчина.

Саквояж Шешеля они забросили на заднее сиденье авто. Туда же положили и коробку с пирожными. Двигатель уже работал, выхлопная труба выбросила первые облака едкого дыма, чуть поперхнувшись, потом горло ее прочистилось и она заработала равномернее.

Когда авто тронулось, прямо перед колесами дорогу перебежал черный кот. Вот нашел же место. Наскучила ему жизнь бродячая и он решил покончить ее под колесами авто? Казалось, что он оставляет после себя угольный след, а может, он бежал слишком быстро и тень его не поспевала за ним, неслась следом в нескольких сантиметрах позади. Шешель смотрел в сторону и кота не увидел, а поэтому так и не понял, отчего Томчин трижды сплюнул через левое плечо. Не кондитер же, протягивающий коробку с забытыми пирожными, причина тому.

Узнай правду, то чего доброго попросил бы остановить авто и никуда не поехал. Томчин, предчувствуя такое развитие событий, о черном коте рассказывать не стал бы, даже если Шешель вздумал его об этом расспрашивать. Но обошлось, и не пришлось ему изворачиваться. Да, обошлось. Коту повезло. Велика радость – стирать с шин ошметки мяса да кошачью кровь, а прохожие, в особенности впечатлительные дамы, заметив на шинах кровь, начнут звать полицейского, чтобы тот выяснил – откуда она взялась. Не наехал ли водитель на невинного прохожего, вздумавшего перейти дорогу, а потом поспешил скрыться с места преступления. Протоколы, расспросы и прочие маленькие неприятности в этом случае обеспечены.

– Я вам покажу студию. Она вам понравится. – Томчин болтал не умолкая, думая, возможно, что сидящий рядом с ним человек – не настоящий, а материализовавшийся дух и стоит Томчину замолчать – чары рассеются.

– Да, да. Наверное, – ради приличия говорил Шешель, совсем не слушая.

Пока он ответами своими попадал в точку. Но, может, и Томчин не слушал его. Шешель поглядывая по сторонам и изредка вперед, наблюдал за тем, как Томчин обгоняет конные экипажи, другие авто, уворачиваясь от трамваев. Создавалось впечатление, что он стремится произвести на Шешеля впечатление умелого гонщика, но Шешель оценил его водительские способности как посредственные и на месте полицейских отобрал бы у Томчина права, чтобы впредь тот не создавал на улицах своей лихой ездой аварийные ситуации.

Но встречавшиеся им по дороге полицейские не обращали на авто Томчина никакого внимания.

Прямо похищение какое-то. Впрочем, прежде чем решиться на это похищение, надо было выяснить кредитоспособность Шешеля и его родственников. Много из них не выбьешь. Не стоила игра свеч.

За те несколько минут, что авто простояло без движения, в салоне сделалось нестерпимо жарко, как в пустыне. Шешель почувствовал, что кожа его начинает покрываться потом. Одежда все больше липла к телу. В особенности на спине. Он чуть откинулся вперед, чтобы не касаться спиной спинки кресла, каким бы оно ни было мягким и приятным. Иногда он высовывал наружу ладонь, чтобы влага с нее испарилась, а кожа чуть охладилась, потом подносил ладонь ко лбу, собирая выступивший пот.

И куда он так гонит? Боится, что ли, что собаки, которые, услышав рев двигателя, выбежали со всех окрестных дворов, могут наброситься на его авто, как стая голодных волков на путника посреди ночной степи, и обглодать его до костей, то есть до железной рамы? Но собаки, провожая его лаем, не то что за колеса укусить не стремились, а даже на мостовую не выбежали, заранее зная, чем может окончиться спор с металлическим монстром, а если не с ним, так и получить удар подковой от мерина, запряженного в груженную какой-то рухлядью повозку, тоже радость сомнительная.

Или он боялся, что за ним кто-то гонится и, нагнав, может отобрать ценный приз, каким, по всей видимости, является Шешель? Но тогда ему следовало ехать помедленнее, чтобы ценный приз не разбился, когда автомобиль, натываясь на очередную выбоину на мостовой, вначале проваливался, а потом чуть подпрыгивал вверх, встряхивая все свое содержимое, будто это колба в руках трактирщика, который готовит очень сложный коктейль.

Корпус вздрагивал, точно корабль, получивший попадание ниже ватерлинии, но оно еще не было смертельным. Авто выравнивалось до следующей выбоины, которых, впрочем, хоть и встречалось по дороге предостаточно, потому что у муниципальных властей, занятых более грандиозными проектами, как то строительство метро и расширение улиц, из-за катастрофической скоростью увеличивающегося автопарка, которому уже стало мало места на отведенных ему дорогах и он старался вытеснить с тротуаров пешеходов, средств починить дороги не хватало. Но колеса попадали в выбоины редко, Томчин успевал их обходить стороной. Послед-

ствия таких маневров были схожи с теми, когда авто натыкалось на яму, только корпус при этом ходил не вверх-вниз, а вправо-влево.

– А что вы верх не сложите? Так прохладнее будет, – спросил Шешель.

– Боже упаси. И так мне проходу не дают. Желающих сняться в моих картинах очень много. Чтобы занять всех, мне пришлось бы раз в десять расширить производство. Такого количества кинотеатры не переварили бы, и мы столкнулись бы с кризисом перепроизводства. Опаснейшая штука. Вот и приходится прятаться.

Сухаревскую площадь проскочили, как курьерский поезд незначительную станцию. Ни названия прочитать не успеешь, ни вывесок на магазинах.

Все больше стало попадаться деревянных домишек. Если прежде по стенам вился каменный плющ, образуя красивые узоры, то здесь-то и живой попадался редко, зато белье колыhalось на ветру, будто развешенные на корабельных снастях флажки. Вот только сам черт ногу сломит, разбирая, что они означают. Любого противника таким набором запутать можно.

Если так и дальше пойдет, то, прежде чем Томчин нажмет на тормоза и остановит авто, они и вовсе за город выкатятся. Там начнут забираться в голову мысли, Томчин никакой не владелец киностудии, а душегуб, завлекший в ловко расставленную ловушку доверчивого Шешеля. Кондитер – его сообщник. У них тут целая шайка орудует.

Бр-р... да ладно, чего он сделает-то?

Авто так разогналось, что, начни сейчас тормозить, его все равно протащило бы до окраины города, как ни цепляйся колеса за дорогу. Пару-тройку метров добавил бы к этому пути Шешель. Он при остановке точно вылетит из кресла, будто его вместо камня из катапульты выпустили. Томчин скорости не сбавлял. За исключением нерасторопных прохожих, бросавшихся из-под колес, как потревоженные курицы, никто ему на дороге не мешал.

Прежде Шешель поглядывал по сторонам, рассматривал вывески и витрины. Вскоре занятие это ему наскучило, да и витрин стало попадаться все меньше и меньше.

– Э-э, – он и сам не знал, что хотел спросить, но Томчин, увидев, что Шешель нетерпеливо наигрывает пальцами какой-то мотивчик, выстукивая его на приборной панели, быстро заговорил:

– Сейчас, сейчас, Александр Иванович. Немного осталось. Потерпите. Я и так прямо как на гонках еду. Спешу. Что, Александр Иванович, выиграл бы я приз с такой-то ездой?

– Непременно, но лучше не отвлекайтесь и следите повнимательнее за дорогой. Иначе можем оказаться в больнице или еще где подальше, – наизидательно сказал Шешель, когда очередной прохожий, едва избежав опасности оказаться раздавленным колесами авто, остался позади, потрясая кулаками и что-то выкрикивая вслед. Хорошо, что еще не запустил вдогонку камнем.

– Да, конечно, конечно.

Наконец они свернули на узкую боковую улочку. Два экипажа на ней разъехались бы лишь в том случае, если бортами стали касаться деревянных заборов, зажимающих дорогу, как высокие каньоны зажимают речушку. Всевозможных неровностей стало побольше, а если точнее сказать, авто поехало прямо как трамвай, привязанный к рельсам, все равно что собака на цепи, по неглубокой колее, выбитой здесь повозками и телегами.

На дне колеи накопилась вода. Колеса авто разбрызгивали ее в разные стороны, и, выгляни сейчас кто из калитки – любопытствовать, что за страшный зверь ревет за забором, его окатило бы по пояс грязной жижей.

– Дорогу надо делать. Надо. Все руки не доходят. Срам один такую дорогу к студии иметь, – как молитву шептал Томчин.

Фонарных столбов не было, а если бы генерал-губернатор надумал здесь таковые поставить, не зная, как распорядиться со слишком внушительной городской казной, то злоумышленники спилили бы их в первую же ночь и продали на переплавку, а стеклянные плафоны

на них разбили бы и того ранее. Ночью здесь шею сломаешь. Света из окон домишек явно не хватит, чтобы всю дорогу высветить. Ночью на ней лучше не лихачить. Ехать со скоростью черепахи или чуть быстрее.

Превосходные рессоры уже не могли сгладить все недоработки автодорожников, и заговори сейчас Шешель с Томчиным, то речь их стала бы похожа на речь заик, которым трудно произносить все звуки слитно.

– В-в-в-о-т-т о-о-н-н-а кр-р-ас-с-ав-вица, – сказал Томчин.

Проследив за его взглядом, Шешель наткнулся на еще один забор, о который дорога точно разбивалась, охватывая его с обеих сторон, как река остров. Над ним возвышалось как минимум три этажа внушительного кирпичного строения. Сколько скрывал забор – пока оставалось неизвестно. Трубу копящую приладить, а лучше две – получится самый обыденный завод и в самом заборе ничего знаменательного не было. Ну повыше он тех, что окружали домишки живущих по соседству мелких чиновников, да так огромен, что за ним мог разместиться стадион для Олимпийских игр и еще что-нибудь в придачу.

Впрочем, строители забора не ставили перед собой тех же грандиозных задач, что и создатели рукотворных чудес античного мира. Доски они пригнали друг к другу хоть и плотно, но между ними лезвие ножа втискивалось, а если приникнуть к щелочке, то можно было разглядеть, что творится внутри. Этим сейчас и занималось по меньшей мере двое любопытствующих. Они так увлеклись подглядыванием, что не сразу услышали шум приближающегося авто, а так услышав его, бросились к запертым воротам. Дорога втекала под них, как речка под низкий, построенный почти над самой водой мостик, который обязательно заденут не то что пароходы, но и маленькие лодочки, поплыви они здесь, а может, трубы с парусами себе обломают, если конструкторы не предусмотрели раздвижные механизмы, как на мостах в Санкт-Петербурге.

Над воротами витиевато было выведено проволокой:

«Киностудия Павла Томчина».

Тем временем парочка любопытствующих встала возле дверей авто.

Шешель не решился в глаза им посмотреть, будто задолжал что-то. Скромные, не так просить надо. Не молчать, а кричать. В двери стучаться, пока авто не ехало. Не милостыню они выпрашивали, потому что каждый из них одет был вполне прилично. Что-то другое им было нужно.

Томчин нажал на клаксон. В ответ раздался звук, похожий на ржание заупрямившегося осла. Ворота отворились, пропуская авто в небольшой дворик.

Шешель чувствовал затылком взгляды. Люди сделали шаг, второй более решительный, потом третий, но ворота уже закрылись перед ними.

– Вот оно, мое царство, – сказал Томчин. – Конкуренты спасу не дают. Все хотят выяснить, над какими проектами я работаю, чтобы, так сказать, ответить адекватно. Это, можно сказать, секретный объект, доступ на который строго ограничен.

Шешель кивнул, но радости, что попал в число избранных, никак не показал.

– На какие только хитрости не идут, чтобы сюда проникнуть. Шпионов под видом статистов засылают. Но я-то их распознать могу, и служба охраны у меня добротнo поставлена. Проколов, тьфу-тьфу-тьфу, – он сплюнул три раза через левое плечо, – не давала. Да еще репортеры сенсаций ищут. Иногда я им поставляю кое-что для светской хроники, а то ведь сами что-нибудь раскопают. Лучше процесс этот под контролем держать. На премьеры бесплатно приглашаю, угощения устраиваю. Не бескорыстно, конечно. Есть интерес, чтобы пресса к моей студии хорошо относилась. Пусть у них настроение хорошее будет, глядишь, и о картинах моих хорошо напишут, а зритель прочтает и пойдет их посмотреть. Расходы окупятся, и прибыль для новых проектов будет.

– Те двое за воротами, кто они – конкуренты или репортеры? – спросил Шешель.

– За воротами? – Томчин непонимающе нахмурил брови. Вспомнил. Глаза его озарились. – А за воротами. Это не конкуренты и не репортеры. Это артисты. На работу просят. У меня гонорары – хорошие. Повыше, чем в театрах. Слава побыстрее приходит, и, думаю, она долговечнее будет. Пленку-то и через десять лет можно посмотреть, а от театрального спектакля ничего не остается, кроме афиш да декораций, если, конечно, ни то ни другое не сожгут да не выбросят на помойку. Но на всех у меня мест не хватает.

Внутренний двор был невелик, но ощущение это складывалось не от того, что он действительно был мал, нет, просто повсюду здесь лежали штабелями декорации, да такие огромные, точно постановку осуществляли в каком-то циклопическом помещении.

– Это главный павильон, – сказал Томчин, указывая на кирпичное здание.

Шешель насчитал пять рядов окон. Но не все они были одинаковыми. Выходило – что и этажи по высоте разные.

У входа в павильон расположилась группка римских легионеров. Кто из них вооружение свое побросал, воевать, что ли, за императора наскучило, кто к стенке приложил. Сейчас они отдыхали от подвигов и, собравшись в кружок, что-то обсуждали, посмеиваясь и жестикулируя. Среди них затесался какой-то пещерный житель – давно не брившийся. Борода его, грязная и всклокоченная, свисала почти до чуть выпирающего живота, упрятого в накидку, сшитую из лохматой коричневой шкуры. Видать, ему в этих одеждах, рассчитанных на более суровый климат и на другое время года, приходилось хуже всех, и именно он был объектом большинства шуток легионеров. Все курили дешевые папиросы. Дым от них был едким. Хороший табак так не сгорает.

– Как с реквизитом поступают, нехристи. Это у них перекур называется, а съемочный процесс стоит, – бурчал Томчин, но не со злобой, а точно старый дедок на завалинке, у которого в норму вошло немного на жизнь жаловаться. От этого и жить ему становилось полегче.

– Забавно, забавно, – протянул Шешель. Он смотрел, как несколько рабочих что-то пилили и строгали, постепенно превращая штабель досок в пирамиду высотой в человеческий рост, а неподалеку от них другой рабочий раскрашивал гипсового сфинкса.

– С американцами нам тяжело конкурировать. Они во время войны сильно поднялись. Вкладывают чудовищные деньги. Город целый отгрохали, где только студии и находятся. Я там был, место – хорошее, природные декорации – великолепные. Но и у нас киноиндустрия сейчас на подъеме. В Москве у меня самая большая студия. Помимо нее есть еще две поменьше, а сколько маленьких, которые фильмы штучно выпускают, и не сосчитать. Кустари, – он сказал это с агрессией. – В Санкт-Петербурге две студии с моей сравнимые, в Одессе и в Киеве по одной. Перечислил я вам все студии большие. Каждые две недели по фильму выпускают, а то и почаще. Да плюс к этому в каждом большом городе местный генерал-губернатор считает, что без своей студии, которая для потомков деяния его запечатлеть станет, никак не обойтись. Изредка, когда генерал-губернатор не досаждают, и они выпускают очень стоящие вещи. Так что конкуренция у нас очень серьезная. Того и гляди идею какую из-под носа уведут.

– А вы?

– Что я?

– У вас есть служба охраны, а служба разведки, что секреты у конкурентов выведывать должна, имеется?

– Не без этого, – смутившись ответил Томчин.

Шешелю показалось, что он понял, зачем его сюда привезли. Догадка эта ему не понравилась. Не хотелось ему шпионскими делами заниматься, и он стал придумывать повод, как ему потактичнее отказаться от предложения о сотрудничестве. Но никаких веских причин не придумал. Что ж, «нет» без всяких комментариев – тоже очень хороший ответ.

– Александр Иванович, вижу, что вас мучает вопрос «Зачем он меня на студию привез?» Идемте в мой кабинет. Я вам расскажу о моей затее или, может, вначале по павильонам походим? Здесь очень интересно. Очень.

– Вижу, вижу.

– Так идемте.

– Нет. Лучше вначале расскажите, зачем я вам понадобился, потом, может, походим.

Заметив Томчина, легионеры и варвар побросали недокуренные сигареты и поспешили скрыться в павильоне, чтобы не вызвать на себя гнев небес, поскольку здесь Томчин был так же всемогущ, как и боги.

2

Солнце отвесно взмыло вверх, зависло прямо над студией, точно хотело что-то там рассмотреть, протягивая к павильонам свои лучи. Не иначе конкуренты на него взобрались и теперь в подзорные трубы да в мощные телескопы подглядывают за Томчиным.

Тени лънули к ногам своих хозяев, как испуганные собачонки, не отходили ни на шаг, точно потеряться боялись. От жары спасение искать можно было разве что внутри павильона. Вдруг там отыщется уголок, куда не дотянулись еще солнечные лучи. Сомнительно, что такой найдется.

Воздух в студии производил на Томчина еще большее воздействие, чем курортный воздух Крыма или Баден-Бадена на больного, выгоняя из него все недуги и хвори. Он преобразился, выше, что ли, становился, солиднее, исчезало заискивающее выражение на лице, когда он с Шешелем разговаривал. Вообразил, что ли, что никуда от него бывший пилот уже не убежит? Попробуй через забор перемахнуть, так и олимпийскому чемпиону такое не под силу, а ворота закрыты, и откроют их только по приказу Томчина. Встань кто возле них и закричи «сезам – отворись» или что-то подобное, то только голос сорвет и охрипнет, а своего все равно не добьется.

Интересно, выпустят ли его наружу или если он прикоснулся к тайне, то подписал себе тем самым смертный приговор, и сейчас, а может, чуть позже, когда ему дадут осмотреть побольше, чтобы он наживку поглубже проглотил, за спиной появится громила и свернет ему шею, чтобы не мучился, или с ним более гуманно поступят – завлекут в один из павильонов и там привяжут, чтобы убежать не сумел? Как же они поступали с разоблаченными шпионами конкурентов? Очень интересно.

Стоять и дальше посреди двора становилось невыносимо. Изойдешь жиром, как гусь, попавший в печку, так жарко здесь было. И без того вся одежда на Шешеле вымокла от пота. Хоть и обоняние у него было развито слабо и дегустатором духов ему не стать никогда, но он все же ощущал, что от него исходит теперь довольно неприятный резкий запах, и хорошо забраться в ванну или в душ, чтобы смыть его. Но Томчин мысли все же читать не умел.

– Не отставайте, Александр Иванович. Заблудитесь здесь без меня.

Внутри павильон был разделен на секции. Некоторые из них были довольно большими. Там вполне могли поместиться и театральная сцена, и зрительный зал. Другие были крохотными, сравнимыми с меблированной комнатой в недорогой гостинице. Часть секций, казалось, забросили. На декорациях, порой разобранных и сваленных в кучу, осела пыль. На других же кипела жизнь. Их заливал яркий свет, куда как более яркий, чем нужен людям. Он лился из множества мощных прожекторов, похожих на те, что устанавливали на своих позициях зенитчики, высматривая по ночам аэропланы неприятеля.

Римские легионеры, сгрудившись позади разрушенного частокола, в котором засел таран, закрывались щитами и, ошетилившись копьями, пока еще сдерживали натиск варваров. Было ясно, что продержатся они недолго.

– Картина о закате Римской империи, – пояснял происходящее Томчин, – очень популярная тема сейчас.

В соседней секции полуобнаженная девушка в шароварах и чалме с украшениями, которые из-за своих размеров наводили на мысль, что они искусственные, лежала на шелковых подушках, потом встала, заходила по лежавшему на полу пушистому ковру, но все движения ее были жеманными и неестественными.

– Восточные мотивы. Это наш ответ Гриффиту, – поскольку Шешель оставил эту реплику без комментариев, Томчин продолжил: – Вы не знаете, кто такой Гриффит? Очень хороший режиссер, но у него и возможности колоссальные. Не такие, как у нас были, когда мы «Оборону Севастополя» снимали. Два года назад снял он фильм «Рождение нации» о гражданской войне между Севером и Югом в Америке. Очень зрелищный фильм, но все же нас он не переплюнул. Ведь в «Обороне Севастополя» актеры, загримированные под адмиралов Нахимова и Корнилова, под генерала Тотлебена и матроса Кошку, снимались рядом с настоящими участниками Крымской войны, которые до наших времен дожили. Представляете, как это воздействовало на публику, пришедшую на просмотр?

– Я не представляю, а даже хорошо знаю об этом, потому что фильм этот смотрел.

– Превосходный фильм. Но сборы у нас поменьше, чем у американцев. Зрители «Рождения нации» проголосовали за фильм рублем, то есть долларом. Прибыль от проката составила уже более миллиона долларов.

– Ого, – не удержался Шешель.

– Да, и как вы думаете, как же Гриффит распорядился вырученными средствами? Правильно, вложил их в производство новой картины, один из эпизодов посвящен Вавилону. Я разведчика на студию Гриффита засылал. Он у него в массовке даже сыграл. Но я таких затрат пока что позволить себе не могу. Ни одна из европейских студий не может позволить себе таких расходов. Тяжело стало с американцами конкурировать. Но есть у меня одна идея...

Похоже, Томчин вел Шешеля в свой кабинет самой длинной дорогой, специально обходя весь павильон, делая вид, что никак иначе дойти нельзя. На лице его прямо-таки читалась просьба о том, чтобы Шешель спросил его что-нибудь о студии, что угодно, вплоть до того, где покупается материал для декораций.

Шешель стойко хранил молчание.

Лицо актрисы было белым, будто его в краску обмакнули, а вокруг глаз нарисовали синие круги. Из-за этого глаза казались очень большими, прямо плошками, как у страшной собаки из сказки или скорее как две полные Луны, а у девушки был вид болезненный, будто она едва не падает в голодный обморок, отчего хотелось пригласить ее куда-нибудь и накормить посытнее. Может, тогда на лице ее заиграет румянец. Не иначе она недосыпает и проводит все свое время здесь, а не на свежем воздухе. Впрочем, догадки эти опровергало сочное тело девушки, тоже выкрашенное в белое, а еще ее движения – теперь они стали бодрее, хоть и оставались томными.

Увидев, куда направлен взгляд Шешеля, Томчин пояснил.

– Гарем султана. Играет наша звезда – Елена Спасаломская. Вы, возможно, о ней слышали, если хоть самую малость интересуетесь кинематографом. Имя ее с газетных полос не сходит. Надо заметить, что обходится мне это ничуть не менее, чем съемки фильмов с ее участием.

– Да, да, что-то припоминаю, – сказал Шешель. Врал ведь. Ничего он не помнил.

– Играет она превосходно. Я прочу ее вам в партнерши.

Шешель пропустил эту ключевую реплику мимо ушей. Слишком занят был мыслью – какое лицо окажется у актрисы, если смыть с нее все белила и синие круги под глазами. Он думал, что лицо может оказаться милым и очень даже привлекательным, и вот это желание

увидеть Спасаломскую без грима окончательно победило в нем здравый смысл, и он пошел следом за Томчиным, уже не очень обращая внимание на то, что тот говорил. Далее, огороженная от соседних площадок фанерными щитами, выкрашенная с внутренней стороны темно-синей краской, так что вначале казалось, что она черная, раскинулась серая безжизненная равнина с неглубокими трещинами, разломами, а местами с круглыми ямами, по бокам которых высились невысокие горки.

– А вот это мой любимый проект, – гордо сказал Томчин. – Американцы до такого еще не додумались. Снимать будем на нескольких площадках. Это одна из них. Мой консультант, его мне Циолковский посоветовал... О, вы не знаете, кто такой Циолковский? Гений. Одно слово – гений. Так вот мой консультант утверждает, что именно так должен выглядеть лунный пейзаж. Здесь еще Земли не хватает. Она немного больше с этой точки, чем кажется нам полная Луна, когда она ближе всего к Земле приближается. Ее еще не успели сделать до конца. Кое-какие континенты надо прорисовать получше. Добавить сюда еще звезд – вот и будет все готово. А знаете ли вы, что притяжение на Луне в шесть раз меньше земного и человек соответственно будет там в шесть раз легче и движения его будут под стать. Он сможет прыгать очень высоко и очень далеко, как и мечтать не мог, и это, несмотря на то, что на нем будет тяжелый скафандр, защищающий его от вредных излучений. Мы подвесим его на тросах. Лунные прыжки будем имитировать. Я на эту постановку не скуплюсь. Миллиона долларов, как Гриффит, выделить не могу, но если перефразировать Суворова: «не количеством, а качеством». Хочу, чтобы все соответствовало новейшим научным данным...

В это мгновение на звездном небе образовалось несколько щелей, через которые полился электрический свет. Потом кусок неба ушел в сторону, и оказалось, что это обычная дверь, только покрашенная в темно-синее, почти в черное. На пороге ее появился человек в пыльном комбинезоне. В руках он держал раздвигающуюся лестницу. На голове у него была нахлобучена кепка. Похоже, он от отсутствия воздуха на лунной поверхности совсем не мучился, опровергая тем самым бытующее утверждение, что на Луне нечем дышать и перемещаться там можно лишь в герметических скафандрах, снабженных баллонами со сжатым воздухом, как у подводников.

– Это что, – засмеялся Шешель, – путешественник по космическому пространству?

– Почти. Это реквизитор, – сказал Томчин, немного сконфузившись, а потом он тоже засмеялся, когда увидел, что техник принес с собой несколько лампочек разной величины и яркости и стал вворачивать их в небо над Луной. – Вы видите один из дней творения. Это бог-создатель. Не иначе. Только он все перепутал. Создал Луну, теперь звезды создает, а о Земле вспомнит в самую последнюю очередь, – сказал Томчин. – «Если звезды зажигаются, значит, это кому-то нужно». Теперь вы знаете кому. Мне.

Реквизитор оставлял за собой на лунной поверхности четкие отпечатки подошв своих ботинок.

Первый человек на Луне, – опять усмехнулся Шешель, – вот он какой. Он даже сам об этом не догадывается. Писатели-фантасты, пожалуй, отдали бы многое, чтобы оказаться сейчас на нашем месте.

– Никто об этом не узнает, – заговорщически сказал Томчин.

Реквизитор, когда у него закончился запас лампочек, собрал лестницу, а следы за собой стер маленьким веничком, так что теперь они стали совсем не различимы, и ушел, отодвинув часть звездного неба. Лунный ландшафт вновь был безжизненным. На нем остались лишь отметки от метеоритов.

– Это наводит на мысль о том, что и Землю когда-то посещали пришельцы из космических глубин. Только они, как и ваш реквизитор, стерли следы своего пребывания, – задумчиво сказал Шешель.

– Возможно. Циолковский мне тоже высказывал подобную мысль. Я думаю, мы с вами сработаемся. Идемте. Студия очень велика.

Стены кабинета от пола до потолка вместо обоев укрывали рекламные плакаты разнообразных фильмов. Некоторые из них были на иностранных языках. Под ними мог находиться еще один слой плакатов, приклеенных на стену раньше.

Радующийся Томчина было столь обширно, что, перейдя порог кабинета, он причитающееся ему кресло занимать не поспешил, прежде усадив в другое, находящееся на противоположной стороне стола, Шешеля.

– Не хотите ли «сельтерской»? – поинтересовался Томчин, подставляя к Шешелю поближе хрустальный графинчик, обитый серебряными проволочками наподобие того, как виноделы оплетают лозой бутылки.

– Не откажусь, – прищулив глаза, Шешель попробовал прочитать, что написано на серебряной бляхе, вплетенной в сетку.

– Это награда Сandomирского фестиваля, – поспешил пояснить Томчин. – Второе место взяли в начале этого года. Не бог весть что, но тешу себя тем, что первого приза так никому и не присудили. Вот теперь воду в него наливаю. Все экономия бюджета. Хочу отметить, что виденная вами сегодня Елена Спасаломская на том фестивале получила приз за лучшую женскую роль. Вот это был успех. Но мне-то из-за этого пришлось почти вдвое увеличить ее гонорар. А она-то как рада была. Все авто новое хотела купить. После фестиваля сразу и купила. Право же, эти фестивали одно бедствие. Приз не возьмешь – конфуз, фильм прессы не получит и покупать его будут не очень охотно, а выиграешь – тоже накладно. Чтобы в следующий раз тот же актерский состав пригласить – расходы на фильм катастрофически возрастут. Гонорары-то придется увеличивать.

– А вы новых актеров берите.

– На известных зритель охотнее идет. Но я все же рискую и новых приглашаю.

Только сейчас он вспомнил о коробочке с пирожными, что взял-таки с собой из авто, но, пока водил Шешеля по студии, совсем о ней позабыл. Хотел было поставить ее на стол, но успел только двинуться к нему, как дверь без стука распахнулась, да так сильно, что ударилась о стену и ее ручка покорябала один из плакатов. Впрочем, на нем и до этого появлялись вмятины, и скорее всего на это опасное место Томчин попросил приклеить плакат, утеря которого его совсем не волновала и он ничем был ему не дорог. Может, наоборот – любое его повреждение приносило Томчину одну радость, и он сам нередко открывал дверь так, чтобы ее ручка билась о стену. И все же кто решился врываться к Томчину, не спросив разрешения? Видать, личность выдающаяся. Серый кардинал студии.

– Как вы можете доверять съемки фильма этой бездарности Кизякову? Только оттого, что у него родственники богатые и в случае провала они возместят студии все убытки, да еще с процентами? Или он уже расплатился, а я этого не знаю? Вы что – меня в рабство к нему продали?

Не дай бог стать причиной раздражения Спасаломской, да еще когда она в гриме. От этого кажется, что еще чуть-чуть, и она начнет молнии метать, как разгневанная богиня, испепеляя всех, кого коснется ее взгляд.

– Ну что вы, что вы, – попытался смягчить гнев актрисы Томчин, противостоять ей он и не помышлял.

– Он заставляет меня по десять раз играть одну и ту же сцену.

– Я с ним поговорю. Вы пирожных не хотите?

– Какие пирожные?

– Вот свежие. Только что от кондитера.

– Идите вы... сами знаете куда со своими пирожными. Что же это вы хотите, чтобы я стала такой же толстой, как и вы, и с трудом втискивалась в вашу дверь?

Томчин не стал отвечать на этот вопрос. Правда, вид его показывал, что обрисованные Спасаломской перспективы своего будущего его несколько не разочаровывали. Значит, он любил женщин в теле. Шешель увидел, что плакат, о который все время бьется дверная ручка, действительно рекламирует фильм чужой студии. На нем была нарисована красивая женщина в вечернем платье. Каждый раз, когда дверь отворялась, ручка ударяла изображение актрисы по лицу. С кем же таким изуверским способом Томчин сводил счеты?

Увидев Шешеля, Спасаломская преобразилась. Сквозь белый налет проступил легкий румянец. Вряд ли от стыда. С несколько секунд она взирала на Шешеля. Все это время выражение на ее лице менялось. Раздражение ушло сразу же.

– Я вас знаю, – сказала она.

На конце этой фразы знак вопроса не стоял, если бы актриса, к примеру, намекала на то, что Томчин должен представить их друг другу. Но тот эти формальности все же исполнил.

– Елена Александровна Спасаломская. Александр Иванович Шешель.

– Да, Шешель, припоминаю, – проговорила актриса, наморщив лоб, посмотрела на Томчина, – это он?

– Да.

– Тогда я соглашусь, – сказал Спасаломская загадочную фразу, кивнув на прощание Шешелю и Томчину, и вышла, на этот раз дверь не хлопнув.

– Все режиссеры от нее стонут. Только Кизяков с ней может как-то справиться, да я, но лишь на съемочной площадке. В обычной жизни – не приведи господь с ней ссориться. Ничего. Покричит, покричит и успокоится. Знает ведь, что Кизяков – хороший режиссер, не гений, но хороший, – сказал Томчин, когда шаги актрисы затихли и она уже не могла расслышать того, что говорилось в кабинете.

Шешелю до сей поры отводилась роль шкафа или тумбочки, выставленной в витрине, посмотреть на которую пришел придирчивый покупатель. Наконец он обрел дар речи. Сказать-то что-то он мог и прежде, потому что присутствие Спасаломской вовсе не повергло его в немоту, как случалось это с некоторыми из ее поклонников, которые, завидев актрису, забывали все слова и лишь протягивали дрожащими руками ей ее же собственные фотографии, при этом забывая, что у нее может и не оказаться ничего, чем она смогла бы поставить автограф. В сумочке она ничего такого не носила. Там все вакантные места отводились косметическому набору, зеркальцу и прочим необходимым в повседневной жизни предметам. Вот если оставить помаду на фотокарточке с отпечатком губ. Что бы случилось с тем счастливым, кто бы стал обладателем такого дара? Не иначе тут же сердце его такой радости не выдержало. Нет, так с поклонниками поступать нельзя, жалеть их надо.

Шешель, побоявшись выглядеть бестактным, не стал вторгаться в диалог Томчина и Спасаломской. Ему было даже забавно наблюдать за ними, и он был бы рад, если бы актриса подольше его не замечала и продолжала говорить. У нее приятный голос, а лицо... Но что это? Первые симптомы болезни?

– Вы, конечно, устали ждать разъяснений. Объяснить трудно, но и вместе с тем очень легко. Мне не хочется разочаровывать вас. Я не хочу, чтобы вы ушли. Итак. Вы видели декорации, что изображают лунную поверхность. Я говорил вам о том, что это будет фильм, основанный на последних и самых прогрессивных научных исследованиях, чтобы зрителю казалось – все, что он видит, действительно происходит, будто это не вымысел, а реальность, и фильм – не игровой, а документальный, и, естественно, я не стану уродовать фильм теми вольностями, которые позволял себе за неимением хорошей научной базы Жорж Мельес. Ха. Кто же поверит ему, что на Луне живут существа, которые превращаются в дым, если по ним хорошенько стукнуть. Вы это его творение не видели?

– Не припомню.

– Картина старая. Ей уже, – Томчин стал подсчитывать в голове, – двенадцать лет. Устарела она. Итак, в работах Циолковского говорится, что, скорее всего, покорителей внеземного пространства будут отбирать среди авиаторов, поскольку они лучше всего подготовлены к тем испытаниям, которые ждут человека в космосе. Правда, никто точно и не знает – что там его может ждать на самом деле. Догадки строить приходится. Не на кофейной гуще, конечно. Но все же... Э... Перегрузки там будут. Это конечно. Вам ведь приходилось во время полетов перегрузки испытывать?

Шешель кивнул.

– Вот. Я, чтобы фильм получился еще более достоверным, хочу выбрать актера на главную роль среди настоящих авиаторов. Вам я хочу эту роль предложить.

– Хм, – только и смог сказать Шешель, – но для этого хоть какими-то артистическими способностями обладать надо, – нашелся он, чем продолжить так неудачно начатую фразу, – видит бог – я не наделен ими. Да и желания делать актерскую карьеру не испытываю никакого.

– О, знали бы вы, сколько человек заложило бы душу, чтобы на вашем месте оказаться.

– Так в чем же проблема? Если от желающих отбоя нет, то вероятно, что среди них окажется авиатор. Вы такой возможности не исключаете? Нет? Хорошо. К тому же многие части расформировали за ненадобностью. Большинство авиаторов осталось не у дел.

– Ну а вы-то? Вы? Вы ведь тоже, как я понял, остались не у дел?

– Я? Может быть. Но я повторяю, – он хотел вновь сказать, что не стремится к актерской карьере, но вдруг подумал о совсем другом, – кто будет играть главную женскую роль? Ведь такая предусмотрена?

– Конечно. Как же иначе. Главную женскую роль в этом фильме, – торжественно начал Томчин, – я хочу предложить Елене Александровне Спасаломской. А ваше имя я даже менять не хочу. Пусть космонавтом, который полетит на Луну, будет Александр Шешель. Первый человек на Луне – российский космонавт Александр Шешель. Звучит?

– Не знаю.

Шешель встал, пошел уж было к выходу, но вспомнил о том захолустье, где оказался. Поймать здесь извозчика будет сложно. А потом, он так и не поселился ни в какой гостинице. Без помощи Томчина ему никак не обойтись. Как ни крути.

– Я не смогу предложить вам большой гонорар за эту роль. Может, потом, когда фильм окупаться начнет. Но работа над этим фильмом вам на всю жизнь запомнится. Как я уже говорил, главную женскую роль согласилась сыграть Спасаломская, – это был главный козырь Томчина. Увидев, что актриса произвела на Шешеля должное впечатление, появившись не просто вовремя, а очень вовремя, словно мысли его прочитала, Томчин понял, что ее участие – главный аргумент, с помощью которого он может заполучить к себе в фильм и Шешеля, – не считите за труд, прочтите, пожалуйста, сценарий, а потом скажите свое окончательное решение. Но прошу вас – не отказывайтесь сразу.

Он выдвинул ящик стола, достал из него толстую картонную папку, завязанную веревочками на узелок в форме бабочки.

Томчин лишь мимолетно посмотрел в глаза Шешелю, чтобы понять, проглотил ли тот наживку. Теперь главное не спугнуть его слишком настойчивыми просьбами. Надо немного подождать – тогда он точно с крючка не сорвется.

Может, ему встречу со Спасаломской организовать? Та, кажется, тоже пилотом заинтересовалась. Ладно, сами разберутся. Не стоит ускорять развитие событий. Ведь, кажется, все складывается очень удачно.

– Прочитаю, – сказал Шешель, не став кокетничать и цену себе набивать, приправляя этот ответ словосочетанием: «если будет время».

– Позвоните мне, – сказал Томчин. Он протянул Шешелю свою визитку – маленькую картонку, на которой были вытеснены золотом фамилия, имя, отчество и телефон, а все это

сопровождалось густыми зарослями золотых виньеток. – Звоните в любое время. Там помимо рабочего телефона есть еще и домашний, а если меня ни там, ни там не окажется, то либо прислуга, либо секретарша, которая в мое отсутствие замещает меня в кабинете, обязательно скажут вам, где я нахожусь, и сообщат о вашем звонке. Надеюсь, что это не последняя наша встреча.

Волей-неволей, но Шешелю пришлось отвечать взаимностью. Он сказал, что тоже будет рад еще одной встрече. Но это пустое обещание ни к чему его не обязывало.

– Да, – сказал Томчин, будто о чем-то важном вспомнил, – вы ведь говорили мне, что нигде еще не остановились. Так ведь?

– Да, я не думал задерживаться здесь.

– Не сочтите меня слишком навязчивым. Хочу вам показать очень приличную квартиру. Сразу скажу, что платить вам за нее будет совсем не надо. Это собственность киностудии. Ее предоставляют актерам из других городов на тот период, пока они заняты в съемках.

– Вы змей-искуситель, – сказал Шешель, – если я соглашусь на это ваше предложение, то мне придется согласиться и на съемки. Ведь так?

– Вовсе нет. Я ведь снимал вас в том старом фильме о гонках. Будем считать, что я ваш должник. Не отнекивайтесь. Что вы, право, такой скромник? Другие уж, дай я им подержаться за руку, руку-то мне вмиг бы оторвали и требовали: «еще, еще». Мало. Но зачем нам другие? Поехали. Я завез вас сюда, я вас отсюда и вызволю.

Шешель и не собирался отнекиваться. Он чувствовал, что его засасывает, будто он оказался в болоте, сделал шаг, а ноги в трясины попали. Он онемел. Стоит и ждет, когда трясины проглотят его с головой.

– Спасибо, но можно я еще похожу по студии. Один. Меня не примут за шпиона ваших конкурентов?

– Нет, конечно. Смотрите. Любуйтесь. Вот возьмите, – Томчин быстро написал на маленькой картонке по размеру такой же, что и визитка, адрес. – Это адрес квартиры. Покажите его извозчику. Любой найдет. А это ключи, – он достал связку, отодвинув один из ящиков стола.

– Благодарю.

Оставшись один, Томчин опустился в кресло. Пальцы его забегали по поверхности стола, как будто не знали, за что им сперва взяться. То ли графин ухватить, воды себе налить или платочком промокнуть выступившую на лбу испарину.

Он хотел оставить свой след в кино, такой же, а может, еще более яркий, чем Мельес. Он видел его фильм о полете на Луну лет десять назад и тогда же задумал снять свой, но тогда эта мечта была неосуществима и из-за отсутствия капитала и из-за отсутствия технических средств. Он не знал – получится ли у него сейчас все, что он задумал.

Когда-то он снимал по пятьдесят фильмов в год. Публика в кинотеатрах, возникших в двух столицах так же быстро, как грибы летом после дождя, прихотливостью не отличалась. Главной задачей было хотя бы количественно вытеснить с внутреннего рынка конкурентов с «Гомона», «Братьев Патэ» и «Теофила Готье». С началом военных действий это стало несравненно легче, учитывая, что германские картины полностью сошли с дистанции, а французские – поступали с перебоями.

Он разнообразил сюжеты, отправлял съемочные группы на театр военных действий, начал демонстрировать в кинотеатрах настоящие воздушные баталии, танковые атаки, не забывая тем не менее сдабривать эту продукцию мелодрамами, которые вызывали у слишком впечатлительных дам слезы. Он экспериментировал, совмещал документальные съемки с художественными, размышлял – как добиться натуральности, чтобы движения актеров стали естественными, а не театральными.

После окончания войны Томчин наконец-то взялся за осуществление своей мечты. Перво-наперво он отправился в академию естественных наук, где попробовал узнать – с кем можно проконсультироваться по интересующему его вопросу. На него посмотрели сперва с удивлением, потом с улыбкой, а просьбу эту восприняли как шутку.

– Тут я вам не помощник. Более важными вопросами заниматься приходится, – сказал суховатый старичок, к которому Томчин попал на прием, – боюсь... – он точно вспомнил что-то, повеселел. – А впрочем, что я говорю. Отправляйтесь в Калугу. Найдите Циолковского. Он все знает. Сейчас дам его адрес. И вот еще что – не так давно заходил ко мне молодой человек. Тоже грезит межпланетными полетами. Визитку свою оставил. Я ее поищу. Если не выкинул – вам отдам. С ним пообщайтесь. Может, чего полезного для себя почерпнете.

Старичок порывлся в столе, выдвигая поочередно все его ящики. Когда он дошел до последнего, у Томчина почти не осталось надежд, что визитка будет найдена.

– Вот она, – сказал старичок, протягивая визитку.

– Николай Георгиевич Шагрей, – прочитал вслух Томчин, – спасибо вам большое.

– А вот и адрес Циолковского.

– Спасибо.

– Извините, что более ничем помочь вам не могу.

– О, знали бы вы, как помогли мне.

На этом они, к взаимной радости, расстались.

Томчин чуть двинулся телом вперед, навис над столом, почти лег на него, а край врезался в грудь, из-за чего дышать стало неудобно, дотянулся до телефона, сорвал трубку, точно обезглавил. Телефонная трубка соединялась с корпусом скрутившимся в спираль тонким резиновым проводом, похожим на очень важную артерию в человеческом теле. Томчин несколько раз нажал на рычажок.

– Соедините меня, пожалуйста, с Шагреем.

Сказал он это с придыханием, будто у него астма, откинулся назад, уперся в спинку кресла. Сидеть стало посвободнее. Он сделал несколько глубоких вдохов, упиваясь ими. Следующие слова дались ему необычайно легко, потому что не находили уже никаких препятствий, мешавших выбраться им на свободу.

– Добрый день, Николай Георгиевич. У меня хорошие новости. Я нашел человека на главную роль. Думаю, что через пару-тройку дней приступим к съемкам.

– Превосходно. Завтра утром приеду. Кое-что надо отрегулировать в тренажерах, – слышалось в трубке, в сопровождении потрескивания и щелчков, будто ответ был записан на патефонной пластинке.

– Буду рад вас увидеть. Вы не хотите знать – кого я отыскал?

Томчин расплылся в улыбке, будто в эту секунду его мог кто-то видеть, но для этого ему надо было либо дверь кабинета открыть, глядишь кто-нибудь из проходящих мимо и бросил бы на него взгляд, не убоившись гнева Томчина за такую дерзость, или поступить еще проще – собрать совещание.

Он позволил себе в голосе проскользнуть мягким интонациям. Обычно в его голосе была только жесткость – только так можно управлять студией. Иначе начнет давать сбои, как ржавеющий механизм.

– Неужели я знаю?

– Думаю, что да. Это Шешель. Помните был такой гонщик, а впрочем, когда он выступал, вы, вероятно, еще в гимназию ходили. Очень известный гонщик был. Императорский приз в одиннадцатом году выиграл, – Томчин точно хвастался, будто все заслуги Шешеля принадлежали и ему тоже, – я об этих гонках фильм снимал. На войне Шешель прославился как воздушный ас.

– Я, знаете ли, в гимназии за гоночными соревнованиями следил. Мы брали большой лист бумаги, расчерчивали его на графы, писали фамилии гонщиков и места, которые они занимали на тех или иных соревнованиях. Я помню Шешеля и по тем временам. Читал о его военных успехах. Очень хорошая кандидатура. Как вам удалось его найти?

– О, это мой секрет. Итак, до завтра. Буду вас ждать.

– До завтра.

Когда он положил трубку, на лице его появилось мечтательное выражение, а взгляд уставился на противоположную стену, точно за спиной у него стоял проектор и вместе с солнечными лучами в окно вливались кадры из его еще не поставленного фильма. Но войди кто сейчас в кабинет Томчина и посмотри они на стену, ничего кроме старых, уже начинающих желтеть плакатов не увидели бы.

Нос уловил аромат пирожных, пропитавший уже весь воздух. Он вьелся в стены и плакаты, как приторные духи. Желудок тут же забурлил, как гейзер, соками разъедавая слизистую оболочку.

«Хочу».

Пирожные чуть засохли. Томчин выхватил из коробки первое попавшееся, но сжал его слишком сильно и перепачкался, когда брызнул крем. Томчин размазал немного крема по губам, стал слизывать его языком, как лягушка, ловящая муху или комара, потом с аппетитом облизал пальцы. Хорошо, что его никто не видел. Он не мог остановиться, пока коробка не опустела. Он заглянул в нее, прошелся пальцами по ее дну, подцепив большой кусок крема, слизнул его, а потом вытер губы тыльной стороной ладони. Крем остался везде. Томчин стер его полотенцем. На нем появились жирные пятна. Приник к графину. Пил не отрываясь мощными глотками, а кадык в это время ходил, как поршень, точно это именно он и заталкивает воду внутрь. Его мучила такая жажда, словно он только что выбрался из угольной шахты, где работал несколько часов.

После звонка Томчина Шагрей понял, что как минимум половина бессонной ночи ему обеспечена. Он мерил свою комнату, прохаживаясь из угла в угол и дожидаясь, когда же наконец глаза начнут слипаться, а тело просить положить его в мягкую кровать.

Он не считал себя натурой впечатлительной, коих может лишиться сна и незначительное происшествие, а после полугода, проведенного на турецком фронте, и вовсе мог спокойно спать, совершенно не обращая внимания на свист пуль да уханье взрывов. Редкими они были оттого, что турки испытывали нехватку боеприпасов. Они их берегли. Но русские, затеяв очередное наступление, продвигались столь стремительно, что турки просто не успевали опорожнить свои склады, и русским они доставались заполненными на три четверти.

Это была его не первая бессонная ночь. Предыдущие помимо стопки листов с расчетами, свернутых рулонами чертежей и схем, которые стояли во всех углах комнаты, точно маленькие дети, сосланные туда за какие-то проступки слишком строгим родителем, окрасили его кожу в бледные тона, щеки начинали вваливаться, глаза же, напротив, слишком выпирали из черепа.

Ему едва перевалило за двадцать. Последствиями недосыпания станут разве что несколько полопавшихся кровеносных сосудов на глазах, а под ними – фиолетовые, точно в них чернила впрыснули, набухшие мешки.

Окно его комнаты выходило во двор. На дне его сгустились сумерки. Шагрей облокотился о широкий подоконник, который вполне можно было использовать вместо стола или лавки, тем самым экономя внутреннее пространство. Он выгнул спину, запрокинул голову к небесам, пока еще серым то ли от низких туч, то ли от дыма ни на минуту не прекращающих своей деятельности заводов, и посмотрел на Луну, изредка являвшуюся в небе, совсем как

серебристая рыбка, всплывающая из мутной воды и тут же уходившая в глубину, чтобы ее не успели поймать птицы или рыбаки.

Ему нужны были звезды. Но Луны пока хватало.

Он вспомнил, как сидел в окопе, готовясь к атаке, покусывал губу, потому что курить ему было нельзя по двум причинам: после болезни легкие у него на каждый вдох сигаретного дыма отзывались kloкочущим кашлем, а еще огонек на кончике сигареты могли заметить турецкие снайперы.

Выступила Луна, осветив все серебряным светом. За те несколько секунд, пока она вновь не утонула в облаках, все разрозненные мысли, мучившие Шагрея вот уже не первый год, сложились одна к другой, будто хитроумная головоломка. Он улыбнулся, потом испугался, что его убьют в этой ли атаке или в другой, но непременно убьют и он так и не сумеет осуществить свои планы. Впору было искать учеников, чтобы как можно больше людей узнали бы о его идеях. Но заговори он сейчас с кем-нибудь о полете на Луну, подумают, что он немного помутился в рассудке. Перед атакой люди становятся странными. Внешне их еще можно узнать. Но что творится у них в душе? Артиллеристы уже обработали турецкие позиции. В воздух взвились сигнальные ракеты. К счастью, его даже не задело нисколько ни тогда, ни позже.

Он полагал, что стоит ему лишь заикнуться о своих планах, как министерство науки выделит ему все необходимые средства. Увы, когда он приехал в Москву, переполненный от ожиданий, после первого же визита в министерство пришло разочарование. Хорошо, что приняли. Он и так пороги министерства несколько дней обивал. Но, выслушав, денег не дали ни копейки. Нет у министерства средств на исследования, перспективы которых столь туманны. Посоветовали написать фантастический роман. Может, он принесет деньги. Тогда Шагрей сможет продолжить изыскания на собственные средства. Идея хорошая.

Прошло два месяца, прежде чем его нашел Томчин. Денег у Шагрея к тому времени почти не осталось. Приходилось перебиваться случайными заработками, которые к полетам в межпланетное пространство отношения совсем не имели. Предложение Томчина Шагрей воспринял как подарок небес.

3

Дорогу обратно он не запомнил. Впору было брать проводника. Римлянина или галла, каждый из которых наверняка получше ориентировался в лабиринтах студии, нежели Шешель. Иначе заблудишься, заплутаешь и со временем превратишься в некое подобие домового, то бишь студийного, отчаявшегося выбраться наружу и поэтому решившего здесь поселиться. Постепенно обрастешь легендами, превратишься в местную достопримечательность, увидеть которую будет так же интересно, как привидение в замке. А что – идея неплохая. Всегда тепло, есть где подзаработать, за статиста могут принять, накормят, напоят, да еще денег немного выдадут за участие в массовке. Вот только, чтобы потратить их, придется-таки искать выход на улицу.

«А-ау, где вы, доблестные legionеры и не менее доблестные варвары?» Но в ответ тишина. Попрытались все куда-то, наблюдают, наверное, из-за угла, потешаются над беспомощным новичком. Поди сами в такой ситуации поначалу оказались. Ладно, ладно. Месть будет страшна.

Не стал Шешель обратно возвращаться. Примета плохая. Склонностью к суевериям он не страдал, а предпочитал все плохие приметы истолковывать с пользой для себя. Что плохого, если на гонках тебе выпадет номер 13? Абсолютно ничего, потому что и с таким номером ему удавалось приходить к финишу первым.

Да и чего уходить-то сразу. Шешель почувствовал, что испытывает желание побродить по павильону. Неизвестно, когда в следующий раз ему доведется вновь очутиться здесь. Дай то бог – не примут при этом за проникшего на секретный объект шпиона конкурентов, не поймают, не допросят с пристрастием и не выставят вон. Но все же как поступать, если он попадет на глаза к представителям службы охраны, да еще со сценарием еще не запущенного в производство фильма? Это все равно, что чертежи секретного оружия выкрасть. Что за подобное преступление полагается разоблаченному шпиону? Допрос с пристрастием – это только первый этап, а о дальнейшем и подумать было страшно. Есть ли у них тут реквизит камеры пыток инквизиции, который они, пока съемки не идут, используют по назначению, то есть – пытая пойманных шпионов конкурентов? Сгинешь в одноместном каземате. Никто никогда и не узнает, как закончился твой жизненный путь на Земле. На небесах может только случай представиться рассказать о случившемся.

«Томчин, где вы? Мне страшно здесь. Враги подбираются незримо, окружают, готовятся схватить. Что-то воображение разыгралось. Может, здесь атмосфера к этому располагает? А на Луне? А на Луне ее нет».

– Я вижу, что вы взялись за эту роль.

Шешель вдруг понял, что обращаются к нему, повернулся недоуменно на голос, а увидев перед собой красивую женщину, не сразу узнал ее, так что готов был разразиться той глупой фразой, с которой начал разговор с Томчиным: «Мы с вами знакомы?»

Он вовремя оборвал себя. Ни звука не издал, зубы стиснул, будто действительно к врагам в лапы попал. На лицо теперь надо напустить презрительное выражение.

«Ничего от меня не добьетесь».

Но вместо этого пришла другая мысль:

«Восхитительно хороша».

Теперь, когда Шешель увидел Спасаломскую без грима, понял тех ее поклонников, что вырезали из иллюстрированных журналов ее фотографии, вставляли в рамки и развешивали по стенам своих квартир, рядом с портретами своих родственников, будто и Спасаломская приходилась им какой то дальней, очень дальней родней. Любуйся, любуйся – не налюбуйешься. И глаз не оторвать. Она переделалась. Вместо имитации восточного наряда гаремной красавицы на ней было темно-синее платье. Оно ей очень шло. Но ей все шло.

Спасаломская правильно поняла причину его заминки. Слов-то он не говорил, но глаза его все сказали. Поражен в самое сердце. Неизлечимая рана. Спасаломская мгновенно сделала диагноз. Она не ошибалась. У нее была большая практика.

Шешелю хотелось, чтобы она не уходила, была рядом еще какое-то время, но для этого не надо было столбом стоять, а он не знал – как разговор начать, с каких слов. «Погода хорошая нынче». Ага. Точно. Учитывая, что они света белого не видят. Может, там буря разразилась. Разве что попросить актрису гидом поработать, студию показать. Что-то подсказывало ему, что она от такой просьбы не откажется. Как же можно отказать боевому офицеру, авиатору, можно сказать, герою войны, да еще с таким жутким шрамом на лице?

Он и на это не решился. Дар речи совсем потерял. Придется дальше знаками изъясняться и мычать, как корова. Она-то его только и поймет.

К удивлению, Спасаломская его тоже поняла, ткнула пальчиком в папку, которую Шешель держал в руках.

– Сценарий?

– Это, – Шешель посмотрел на свои руки. Тут бы ему закричать: «Нет. Не знаю я, что это. На полу валялось, я и подобрал». Уронить папку и не поднимать ее больше, но он протянул папку Спасаломской, будто она никогда не видела ее содержимого.

– Нет. Нет, – сказала Спасаломская, – у меня уже есть такая, да и нести ее тяжело.

– Да. А я еще и не читал сценарий. Даже не знаю, о чем там речь.

Морщинки собирались возле краешков ее губ и глаз, когда она улыбалась или смеялась, и тут же разглаживались, не оставляя после себя никаких следов. Пока не оставляя. Со временем, когда кожа потеряет упругость, морщинки грозили поселиться возле ее губ и глаз навсегда и оттуда начать завоевание всего лица. Но и тогда оно будет красиво. Не так, как сейчас. По-другому. Но все равно красиво. Кожа у нее немного лоснилась, блестела, будто из пор выступил растопленный яркими прожекторами жир. Она густо смазала ее каким-нибудь питательным кремом, чтобы нейтрализовать губительное воздействие грима. Он делает кожу такой же сухой, как пергамент старых книг. Неприятно, когда лицо обтянуто пергаментом. Страшно неудобно.

– Прежде мне не приходилось играть в таких фильмах, – сказала Спасаломская.

– Мне-то тем более.

– Таких фильмов раньше никто не ставил. Может выйти очень любопытно. Почитайте. Не пожалеете.

Очень остроумно – говорить с актрисой о кинофильмах. Все равно, что с ним обсуждать характеристики истребителей разных конструкций. Неправильная точка зрения, что ему, кроме них, ни до чего нет дела. В корне неправильная. Но, видит бог, другой темы он предложить не мог. Разве что поговорить с ней... о характеристиках истребителей, или об автомобилях, или о погоде.

Мимо прошла галдящая толпа римлян и галлов. Они вновь заключили временное перемирие.

– У вас тут весело.

Шешель спрятал сценарий в саквояж.

Незаметно, совсем незаметно они вышли во двор. Рядком у забора выстроилось несколько автомобилей. Среди них выделялся красный спортивный автомобиль, появившийся в продаже пару месяцев назад. Кажется, он назывался «Стальной ветер». Авто это оставалось редкостным явлением даже на улицах столичных городов. Не столько из-за дороговизны, а оценивалось это произведение отечественного автостроения в целом состояние, но все-таки купцам Поволжья, собравшим хороший урожай в минувшем году, роскошь эта была вроде мелкой безделицы, купить которую можно из-за причуды, поиграть чуть и подарить кому-нибудь, когда наскучит, все равно от прихоти этой капиталы не пострадают. Просто слишком мало их еще выпустили. Поговаривали, что автозаводы не могут справиться с заказами, хоть и работают круглые сутки, а желающие в очереди выстраиваются чуть ли не в такие же, в какие немцы за хлебом под конец войны выстраивались, когда с продовольствием у них совсем плохо стало. Если авто эти будут выпускать с прежней скоростью, то очередь на них рассосется месяца за три-четыре. Не раньше.

Слегка приплюснутый сверху сигарообразный корпус казался слишком большим для двухместного авто. Здесь можно было расположить еще как минимум один ряд кресел, но большая часть корпуса скрывала мощный двигатель, который, пристав к авто крылья и пропеллер, наверное, мог бы поднять его в воздух.

Все остальные авто рядом со «Стальным ветром», какими бы представительными и дорогими они ни были, становились фоном, который лишь оттеняет истинное произведение искусства и не более того.

– Красота, – не удержался Шешель от комплимента этому своему первому увлечению, а актриса, проследив направление его взгляда, отчего-то сказала «Спасибо», будто комплимент этот относился к ней. К ней он тоже относился, но Шешель пока боялся говорить ей что-то подобное.

– Мне тоже это авто нравится. Прежде у меня «Лоран» был.

Какие слова: «Стальной ветер», «Лоран», будто из той жизни, из сказки. На войне несколько «Лоранов», пришедших из Франции, переделали под броневики, но «Руссо-Балты» подходили для этой роли лучше.

Луна – это тоже сказка? Томчин говорил, что нет. Может, проверить?

Похоже, она брала уроки у иллюзиониста или могла материализовывать предметы из пустоты. Застопорись на месте ее актерская карьера, то она сможет выступать в цирке, показывая фокусы. Откуда ни возмись на указательном пальце у нее появилось серебряное колечко. Шешель не видел, чтобы Спасаломская доставала его из сумочки. К колечку были прикреплены два ключа от авто. Она слегка пошевелила пальцами. Ключи мелодично зазвенели, как колокольчики. Все это было сродни действиям рыболова, когда тот немного дергает удочку, чтобы наживка на крючке ожила и сонная рыба наконец-то выбралась из тины и водорослей и закусила наживкой вместе с крючком.

– Возьмите.

Она протянула Шешелю ключи. Теперь они лежали у нее на раскрытой ладони. Помимо них к колечку крепился маленький золотой брелочек в форме сердца.

Бог ты мой, от такого предложения у любого кругом пойдет голова. Шешель почувствовал, что ноги его начинают дрожать, точно это земля под ними трясется или он перенесся на палубу катера, в чреве которого работает двигатель, отчего палуба ритмично содрогается.

Рука его чуть затряслась – плохой признак, после которого, к примеру, хирургу надо искать более спокойную работу, читать лекции или мемуары писать, но уж никак не оперировать. Гонщику тоже не стоит в таком состоянии за руль садиться. Не заметишь, как въедешь в дерево или канаву. На небесах только и поймешь, что случилось.

Но не стоит так много значения придавать этому жесту. Если актриса решила поиграть с ним, почему бы не ответить ей тем же? С ней трудно тягаться, но отчего не попробовать? Шешель улыбнулся. Дрожь в его теле прошла.

– Благодарю.

Он взял ключи, но надеть смог бы разве что на мизинец – таким маленьким было колечко. Рисковать не стал, потому что не знал – снимет ли его позже. Или для этого придется густо намазывать палец мылом. Сжал связку, но не сильно, чтобы не раздавить золотое сердечко.

Он открыл правую дверь, галантно подставив руку, чтобы актриса, забираясь в авто, смогла опереться на нее, потом осторожно захлопнул дверь, обошел авто кругом спереди, искоса поглядывая на радиатор, точно наездник на еще не оседланную лошадь. Начни обходить ее сзади – обязательно лягнет. Уселся в водительское кресло, пробежался пальцами по рычагам, как музыкант по клавишам, завел двигатель и несколько секунд прислушивался к его дыханию.

Когда Елена ступила на подножку авто, то почувствовала дрожь в коленках, быстро толкнула тело вперед, иначе не устояла бы на ногах и сорвалась вниз. Мягкое кожаное кресло, приняв ее, чуть прогнулось, обтекая и принимая очертания ее тела. Дрожь не ушла, а, напротив, даже усилилась, разлилась по всему телу слабостью. Откуда чувство такое, как у впервые танцующей с кавалером гимназистки? Ноги от страха подгибаются и приходится прямо висеть на партнере по танцу, а тот-то думает, что подруга совсем танцевать не умеет и именно из-за этого давит ему носки. Хоть голову бы подняла вверх. Чего под ноги смотреть? Спасаломская поняла, что, попытайся эту минуту Шешель поцеловать ее, она не смогла бы ему сопротивляться и у нее не хватило бы сил, чтобы отвесить ему хлесткую пощечину за такое дерзкое поведение. Пожалуй, это было бы даже приятно. Она замечталась, попробовав угадать, какой вкус у губ Шешеля. Наверное, они пахнут табаком и машинным маслом. Они сухие, как папиросная бумага, а чтобы они стали мягкими, их надо вымачивать в вине. Бокала хватит.

Она не могла скрыть своих мыслей. Они отражались в ее глазах. Жаль, что Шешель не смотрел на нее, всецело поглощенный изучением авто. Не понять этих мужчин. Такая женщина сидит рядом, а он только на приборы поглядывает, будто рядом с ним и никого и нет.

Она не услышала, как заработал двигатель, заурчал, будто у авто был желудок, в который только что через пищевод, или что там у него есть, провалилось немного еды и он принялся ее переваривать.

– Ну что же, поехали, – сказал Шешель, нажал на педаль газа, авто сорвалось с места.

Елену чуть качнуло назад. Именно это движение вырвало ее из страны грез. Она выставила руки, уперлась ладонями в панель с приборами, посмотрела на Шешеля, надеясь, что он наконец-то повернется к ней лицом. Но тогда ей станет доступна и та вторая половина – обезображенная шрамом. Она любовалась его профилем. Черты лица тонкие, глаза спокойные, красивые. От него веет надежностью. Спасаломская прищурилась, улыбаясь и опять погружаясь в грезы. Ей было приятно ехать.

Шешель действительно повернулся, точно мысли умел читать, но с небольшим запозданием. Казалось, что все, что простиралось за лобовым стеклом авто, ему интереснее, нежели созерцание своей соседки. О, поклонник известной актрисы ни секунды не упустил бы и не отрываясь глядел бы на нее, пока авто, которое он вел, не врезалось бы в стену дома или фонарный столб. Но это, когда они на улицу выедут. Пока же единственным препятствием перед ними были закрытые ворота студии. Авто они не остановят, но сломать могут.

Он ничего не сказал. Только слегка улыбнулся. Ворота расступились с едва заметным скрипом. Авто вздрагивало, когда наезжало на рытвины, точно корабль, в который то и дело попадали неприятельские снаряды. Но пока они не могли потопить его, хотя вода в трюме, несмотря на все усилия экипажа, прибывала.

Скорость постепенно увеличивалась. Елена поняла это, когда почувствовала, что ее вдавливают в спинку кресла, а дома стали мелькать слишком быстро перед глазами, и для того, чтобы прочесть вывески на витринах, приходилось встречать и провожать их взглядом.

Никогда прежде она не чувствовала себя так уютно в своем авто. В нем всегда чего-то не хватало. Но чего, она не знала. Положила плюшевую игрушку рядом с приборной панелью. Не помогло. Теперь она поняла, что за рулем должен был сидеть другой человек. Интересно, сколько он попросит, если нанять его на должность личного водителя? Она от такой мысли развеселилась, а спрашивать не стала, потому что ответ знала заранее. Никогда он не согласится. Обидится еще после такого предложения, остановит авто, выйдет вон, не сказав ни одного слова на прощание, побредет к своему дому пешком или поймает пролетку и умчится на ней. Даже когда она привяжет его к себе, он все равно не сможет проводить с ней все свое время. Дикий зверь недолго может жить в клетке. В неволе он умрет.

«Знаю. Знаю».

Темнело, но вечер еще висел в небесах и на землю не спустился, а поэтому нетрудно было разобрать двигающееся следом за ними по улице, в метрах тридцати позади, авто – черное, как оторвавшийся от ночи кусок. Черный «Олдсмобиль». Прежде он стоял невдалеке от студии. Как только ее покинула Спасаломская, авто пристроилось к ней в хвост.

Они не оглядывались и преследователей не видели.

О чем же заговорить; о погоде, фильмах, котиловках ценных бумаг или о том, что подают сейчас в ресторане, возле которого они проезжали. «Галиция». Там сегодня рыбный день; уха из осетров, расстегаи и прочее, прочее.

Давно она не сталкивалась с подобной проблемой, ведь раньше спутники ее только и делали, что говорили, стараясь перещеголять один другого в красноречии, а она откровенно скучала в их обществе и хотела, чтобы они помолчали хоть немного, потому что от них начинала болеть голова. Она зевала, но ее не понимали. Что же теперь произошло? Она вспомнила, что забыла сказать ему, куда надо ехать, но Шешель так уверенно вел авто по улицам города, что она начинала верить, будто он и вправду может читать мысли и говорить, что ему ничего не надо. Он и так все знает.

Возле глаз у него собрались морщинки, побежали тонкими трещинками от глазниц, как по старому льду который должен вскоре совсем сломаться, освобождая скованную им на зиму воду. Вот с чего время начало разрушать его лицо. Да еще этот жуткий шрам. С годами он станет еще страшнее. Но он любит улыбаться.

– Превосходное авто, – сказал Шешель. При этом он по-прежнему смотрел только вперед и, похоже, говорил все это самому себе, и если бы с ним рядом никого не оказалось, он все равно сказал бы эти слова.

– Спасибо, – она уже слышала этот комплимент. Она уже отвечала на него так же глупо. Кажется, она сказала, что хочет ужинать. Или нет? Она не помнила.

Она любила ездить в «Асторию». Когда она входила в огромный зал этого ресторана, то все внимание вмиг обращалось к ней. Все отрывались от тарелок, какие бы яства ни лежали на них, а повар «Астории» умел творить кулинарные чудеса и в ремесле этом был не менее искусен, чем Спасаломская в ремесле актрисы. Но она доставляла радость для глаз. А он и для глаз, и особенно для желудка. Жаль, что ничего от творений его не оставалось, а то, что оставалось... в приличном обществе об этом не говорят.

Все смотрели на нее и шептали: «Спасаломская. Это Спасаломская». Она светила ярче сотен лампочек, вмонтированных в стены и свисавших с потолка виноградными гроздьями, впитавшими в себя свет Солнца, а когда пришла ночь, они отдавали его. Она была звездой, спустившейся с небес. Надо прикрыть глаза. Иначе они могут ослепнуть. Как же это приятно. Но она опять замечталась. Секунд на пять. Одернула себя. Вновь посмотрела на Шешеля, на его опрятный, но далеко не новый китель с погонами майора на плечах и плашками нескольких орденов и медалей на груди. В «Астории», где глаза заболят от обилия золота на плечах, где высших офицеров больше, чем на совещании Генерального штаба, Шешель будет чувствовать себя неуютно...

Она стала перебирать в голове другие названия. Попроще. Как страницы книги листала, где содержатся сведения о городских ресторанах.

Хрусталь, мрамор, золото.

Она стала волноваться.

Появилась какая-то слабость. Перед глазами возник туман.

Обернувшись, она увидела, как с соседней улицы, когда они только въезжают на перекресток, вылетает огромное черное авто, не успевает затормозить и даже не пробует делать этого, как и обойти стороной, бьется в них со всего маха. Она узнала эту машину и знала, кому она принадлежит.

Черный «Олдсмобиль».

Тонкий металл «Стального ветра» сгибается, как картон, и следом за ним трещат и ломаются кости, а из разорванного во многих местах тела фонтанами вырывается кровь, заливает авто красным. Но оно и без того выкрашено в этот цвет. На нем и кровь-то не разглядишь.

Темнота. Они мертвы? Оба? Но она еще чувствует что-то. Или уже нет?

Туман перед глазами прошел. Елена вздрогнула, заметала головой, думая, наверное, что должна увидеть в лучшем случае больничную койку, а в худшем... под землей темно, ничего она не разглядит, а если руки подымет, то наткнется на шершавые доски гроба.

Все увиденное казалось настолько реальным, что она еще с несколько секунд не могла поверить, что все это было лишь видением. Что же это было? Она покосилась по сторонам, но все перекрестки были другими, не такими, как в видении. Узнай она их, все равно не успеет крикнуть Шешелю, чтобы остановился. Черное авто, несущее смерть, – проворнее, будь что будет. У нее так развито воображение, что если бы все сны, которые она видела, сбывались, она умерла бы не один раз, а уже десяток.

Что может случиться на тихих вечерних улицах? Конечно, ничего. И не надо ничего придумывать, а то беду накличешь.

Шешель соблазну произвести на актрису впечатление своей ездой не поддался. Авто он вел аккуратно, как прилежный водитель, вовсе не собираясь устраивать на улицах гонки. Изредка он нажимал на клаксон, чтобы тихоходные телеги и конки поближе прижались к обочине и дали ему возможность обогнать их, при этом не заезжая на встречную полосу и не рискуя столкнуться с теми, кто двигался навстречу ему.

Прочь плохие мысли, прочь.

«Астория».

Ей сейчас вовсе не хотелось вновь превращаться в звезду. Напротив. Вот бы отдохнуть, чтобы никто не узнал тебя, но вряд ли такое возможно, если только грим не наложить. Куда же от самой себя убежишь? Она посмотрела в окно, наткнулась взглядом на рекламный плакат очередного фильма студии Томчина. Ей не нравился этот плакат. Вернее, ей не нравилась она на этом плакате. Слишком театрально заломленные руки, голова запрокинута назад, глаза закрыты – все это слишком показательные страдания. Не настоящие. Неужели она так плохо играет в этом фильме? Надо пойти посмотреть, прийти на последний сеанс, вуаль набросить на лицо, чтобы в зрительном зале, когда зажгут свет, никто ее не узнал. Можно уйти пораньше, когда зрители еще досматривают последние сцены, но тогда она не услышит, что они будут говорить после окончания сеанса. Вот бы подслушать их разговоры. Это совсем другое, чем льстивые речи критиков. Это настоящее. То, что она читает в журналах, в большинстве своем искусственное. Суррогат.

– Вы знаете, где находится «Полночный экспресс»? – спросила Спасаломская.

– Нет.

– Жаль. Я тоже. Название хорошее, и мне говорили, что там хорошая кухня и там уютно... ай, – вскричала она, будто под сиденьем у нее завелась мышка и теперь Спасаломская, увидев этого незваного пассажира, очень удивилась, – ну как же я могла забыть? У меня же справочник есть. Как же я забыла? Сейчас найду.

Она говорила слишком быстро и взволнованно. Нельзя так терять самообладание. Говорить надо сдержанно и холодно, иначе собеседник может слишком многое возомнить о своей персоне.

Черное авто как тень мчалось следом за ними, держась на одном и том же расстоянии.

Фасад «Полночного экспресса» выходил не на центральную улицу, а на прилегающую к ней. В лучшем случае дорогие авто проскальзывали мимо, а останавливались лишь в том случае, когда у них что-то ломалось. Но вероятность такой остановки была крайне мала.

Толстый розовощекий швейцар в красной фуражке отворил перед ними массивную дубовую дверь. Он выглядел лет на пятьдесят, длинные закрученные кверху усы, на отращивание которых он потратил, вероятно, уйму времени, выдавали в нем отставного военного. Он наверняка дослужился до фельдфебеля, был отцом и защитником новобранцев, а распахнул он зеленую шинель с красной окантовкой, вся грудь окажется в крестах. Спросишь его: «Где воевал, служивый?», так в ответ получишь внушительный список, венчавшийся Будапештом или Веной. Что там будет посередине? Каушен, Гумбонен? Может, где-то и встречались. Такому за то, что дверь открыл, медный пяточок в руку положить будет стыдно. Надо лезть за серебром или казначейским билетом, но отставной фельдфебель свободную руку демонстративно убрал назад, за спину заложил, всем видом своим показывая, как ему приятно, что в заведение, где он служит, заглянул авиатор. Невольно он вспомнил, как сидел в окопе, ожидая приказа к наступлению, а над его головой проносились эскадры русских аэропланов, которые летели обстреливать вражеские позиции.

То ли освещение в зале оказалось слабым, то ли все так увлеклись беседами со своими спутниками, не обращая более ни на что свое внимание, а те, кто сидел в одиночестве – созер-

пали свои тарелки, в общем никто Спасаломскую не заметил и даже в сторону ее не посмотрел, а уж на Шешеля тем более смотреть не стоило. Серая мышка. Незаметная. Как тот студент железнодорожного университета, которого Шешель повстречал днем.

Откликнулся только официант, услышав перезвон колокольчика, который ожил ровно на миг, когда они вошли, и задел его краешком двери. Приятный звук.

Невнимание ее чуть оскорбило. Первым желанием было развернуться, уйти прочь, хлопнуть дверью на прощание, колокольчик проводит ее перезвоном.

Она еще не понимала, отчего выбрала именно это место, будто в городе нет ничего лучше, с отдельными кабинетами, где ни ее, ни Шешеля никто не потревожит, но мысли привели ее сюда, причем название возникло в голове спонтанно, будто выплыло оттуда. Здесь она вряд ли могла наткнуться на кого-то из своих знакомых. Завидев ее кавалера, они еще долго шептались бы по этому поводу, строя догадки. Кто он? Действительно – кто он? Задай ей кто этот вопрос, она пока не смогла бы на него ответить. Стеснялась она, что ли, показаться в его обществе? Она еще не понимала этого.

– Здесь уютно.

Она сказала это, когда официант провел их в угол зала, где они могли спрятаться под густыми ветвями пальмы, стоящей в кадучке.

Она сидела лицом к залу. Она сама захотела этого, а Шешелю оставалось лишь глядеть на нее либо на стену за ней. Никто его внимания от нее не отвлекал, зато она видела весь зал. Она улыбнулась от таких мыслей. Забавно все это.

Она почувствовала тревогу, промелькнувшую на краю сознания, как тень летучей мыши – такая же быстрая и неуловимая. Она оторвалась от меню, провела взглядом по залу. Какое-то время глаза перестраивались, как оптика у бинокля, когда подкручиваешь колесико, наводя резкость с тех предметов, что поблизости, на те, что находятся в отдалении. Ничего она не заметила, опять вернулась к строчкам меню, и вдруг опять эта тревога, опять тень, которую она непременно увидела бы, не поспеши отвернуться от зала. Вздогнул колокольчик. Он точно был привязан к сердцу Спасаломской. Она почувствовала, как холодные пальцы, будто по струнам, перебирают по ее венам, соединенным с сердцем. Оно начинает ныть. Дверь. В нее входили очередные посетители. Трое. В дорогих смокингах. Несколькими секундами ранее на улице остановилось черное авто из ее видения.

«Олдсмобиль».

Меню выскользнуло из ее ослабевших, задрожавших пальцев, хлопнулось на стол. Легкая тень пробежала по ее лицу, точно лампа, висевшая под потолком, была Солнцем, имела спутник и вот сейчас он на секунду затмил ее свет. Тело напряглось. Взгляд застыл.

– Что-то случилось? – спросил Шешель.

– Нет. Все хорошо.

В голосе проступила дрожь, которую она не смогла спрятать. Она попробовала вновь говорить о каких-то глупостях, но теперь слова давались ей с трудом, не так легко и беззаботно, как прежде. Чувствовалось, что ее не отпускает какая-то другая мысль. Словами Спасаломская пробует утопить ее, но та все вновь и вновь всплывает на поверхность сознания, прямо как пробковый спасательный круг. Но вот спасательный ли он?

Изредка Елена поглядывала через плечо Шешеля в зал. Со стороны казалось, что она косится на его погон.

Шешель не поверил ей. Он не был ослеплен и оглушен ее красотой и обаянием. Вернее, был, но... ему так тяжело давалось скрыть свои чувства, точно он возводил плотину все выше и выше, а вода прибывала. Еще немного, и она прорвется наружу и сметет все те камни, что он нагородил, пытаясь остановить ее. Разве ее остановишь?

– Давайте уйдем отсюда, – неожиданно сказала Елена.

– Вам здесь разонравилось?

– Да.

– Вас отвезти домой?

– Нет. Попробуем найти что-нибудь более уютное.

– Хорошо. Но если вы не возражаете, теперь это уютное место поищу я.

– Да, да, я не возражаю. Пойдемте.

Они не успели ничего заказать. Времени терять, расплачиваясь, не пришлось.

Шешель предпочел показать, что ничего не заметил. Но у него был цепкий взгляд, хорошая реакция и неплохая память. Иначе... нет. Ему просто повезло. От многих, кто обладал еще более обостренными чувствами, фортуна отворачивалась. Теперь они спят в могилах, разбросанных по всему миру.

Лица всех троих, несмотря на приглушенный свет, хорошо отпечатались в его мозге. Они делали вид, что больше интересуются меню, отпуская друг другу колкие замечания по его содержанию.

– Филе оленины с перечным соусом и запеченными овощами, миноги из Великого Устюга с горчично-медово-яблочной заправкой. Что думаете, господа?

– Фу. Как примитивно! Они бы еще кашу гречневую здесь написали.

Шешель знал, что точно так же они могли взяться за обсуждение его внешности и одежды. Но когда они все вместе, точно кто-то команду дал, глянули на него, приготовленные заранее слова так и не слетели с их губ. Что-то остановило их. Иначе... он не стал бы с ними драться, отвечать каждому из них пощечины, а предложил бы им извиниться. Их было трое, но все вместе они не стоили и одного из тех английских матросов, с которыми он много лет назад дрался в портовой таверне Марселя. Тогда он уложил на деревянные доски таверны двоих, прежде чем кто-то из оставшихся на ногах ударил его бутылкой по лицу, отправляя в нокаут...

Они не выдержали его холодный, тяжелый взгляд, отвернулись, занялись своими делами, но теперь говорили потише.

– Пойдемте отсюда господа, нам здесь делать уже нечего.

Опять демонстративно громкий голос, рассчитанный не только на тех, кто сидел за столом, но чтобы его услышал и Шешель, а в особенности Спасаломская. Она схватила Шешеля за руку, сжала пальцы. На коже синяки, наверное, останутся или следы от ногтей. Почему же эта троица так напугала ее?

Шешель криво улыбнулся. Он увидел черное авто. Не составляло большого труда догадаться, кому оно принадлежит. Вот только хозяева ошибаются, если думают, что смогут на целый вечер превратиться в тень, которая везде следует за Спасаломской. Она была им нужна, а вовсе не Шешель. Он стал кое о чем догадываться.

«Авто слишком тяжелое и неповоротливое, – подметил Шешель. – На таком стены пробивать хорошо. При столкновении у пассажиров большие шансы совсем не пострадать, а вот маневрировать на улицах – неудобно. Особенно если надо за кем-то гнаться».

Он чуть задержался в дверях, оглянулся, и, хотя во взгляде его злобы не было, троица замедлила шаг, остановилась, стала по карманам рыться, будто проверяли, не забыли ли что-то. Взгляд Шешеля действовал на них как гипноз. Он развил эту способность, когда, сидя в аэроплане, где защитой от пуль служат фанерные борта, проткнуть которые можно и пальцем, внушал вражеским пилотам: «промахнись». У него хорошо это получалось. Ведь он жив, а те, кому он внушал это, – нет.

Через секунду все они справились с заминкой, но к этому времени Шешель уже не смотрел на них, выйдя из ресторана.

– Уже уходите? Неужели не понравилось? – расстроился отставной фельдфебель.

– Мы еще вернемся, – обнадежил его Шешель. – У вас хорошо.

– Буду рад вас видеть.

Елена молчала. Не стоит расспрашивать ее об этой троице. Все равно ничего не скажет, а если и начнет говорить, то это наверняка испортит ей настроение на весь оставшийся вечер и поправить его уже никак не удастся. Лучше тогда сразу отвезти ее домой.

Они могли оказаться ее поклонниками, которые слишком навязчиво добиваются расположения актрисы, или, напротив, они были из числа тех, кто благосклонность Спасаломской потерял безвозвратно, но надеется, что положение это можно исправить, на самом деле делая его все хуже и хуже. Какая разница? Она хорошо их знала. Все еще была растеряна и совсем не защищена от вопроса: «Кто они?», но Шешель задавать его не стал.

Он положил саквояж с вещами в багажник, сел в авто, сросся с ним, будто его нервные окончания проникли во все механизмы «Стального ветра», и теперь он чувствовал, как их обтекает масло, а по шлангам течет бензин. Он походил на современного кентавра, у которого ту часть, что была от коня, заменили на механизм. Современный кентавр должен выглядеть именно так. Кавалерия – устарела.

Резкий короткий визг покрышек. Они чуть прокрутились по мостовой, высекая из нее огонь, но смогли добыть лишь дым, а потом резина наконец-то смогла зацепиться за камень, оттолкнуться от него, посылая авто вперед, как камень из пращи, скорость которого со временем не уменьшалась, а увеличивалась.

Они ехали по каким-то маленьким улочкам, распугивая прячущихся на выгребных ямах котов. Два авто здесь не разъедутся, повстречайся они друг с другом, будут стоять лоб в лоб, как бараны, пока кто-нибудь из них не додумается дать задний ход. Низко нависали старые прогнувшиеся балконы. Елене казалось, что они могут задеть верх авто, а железные прутья вгрызутся в брезент, как гнилые зубы. Прутья торчали из стен, похожие на остатки ампутированных конечностей, безобразно вылезая из камня, как куски костей. Этак какой-нибудь балкон, не ровен час, обвалится прямо на авто и погребет его вместе с пассажирами.

Слишком много поворотов. Преодолевая большинство из них, авто чуть не царапалось бортами о стены. Их разделяли даже не сантиметры, а счет велся на ширину человеческих волосков. Она забыла, что позади них едет черное авто. Оно отстало. Когда, она не заметила. Спасаломская сбилась, считая все повороты, которые они проехали, и не смогла бы восстановить в памяти весь путь. На домах табличек не было. Она не знала, где они сейчас находятся. Она прежде не забиралась в эти районы. О, в этом что-то есть. Похититель. Как она раньше не догадалась? Шешель втерся к ней в доверие, чтобы похитить ее. Что же он потребует за свободу? По телу пробежали мурашки, в ногах опять появилась слабость, как в тот раз, когда она впервые села в свое авто вместе с Шешелем.

– Вы хорошо знаете город. Откуда? Вы ведь первый день здесь. Или раньше бывали?

– Бывал, конечно. А еще, когда в поезде ехал, карту изучал. Хорошая карта. Пока все правильно.

– А куда мы едем? – спросила она.

– Хочу провести давнего знакомого. Я думаю – вам понравится.

– Знакового?

– Да. Вместе служили в эскадре генерала Гайданова.

– Так он тоже пилот, отошедший от летной практики?

– Не совсем. Даже совсем не пилот, хотя многие его за такового принимали. Он работал в наземных службах, а еще писал стихи. Может, и сейчас пишет. Знаете ли, во время войны был очень популярен. Подписывался псевдонимом К. С. Не знаете такого?

– Нет. Не припомню.

Елена сдвинула брови, делая вид, что думает. Может, и на самом деле что-то вспоминала. На лбу у нее появились две морщинки. Шешель залюбовался ими, одернул себя. Муни-

ципальные власти поскупились поставить здесь много фонарей. Они походили на оазисы света в пустыне тьмы. Чуть отвлечешься и стены не миновать. Он попробовал помочь актрисе.

– «Я птица с перебитыми крылами, лечу к земле, чтоб отдохнуть». Тоже не помните?

– Смутно припоминаю. Да, я читала его. А он лирику пишет?

– Раньше – нет. Все больше воздушными сражениями мысли занимал. Мне говорили, что он недавно книгу выпустил, но что в ней, я не знаю.

У черного авто не было ни единого шанса удержаться у них на хвосте, пусть пассажиры ее и пилот и не задержались бы на старте, слишком долго усаживаясь на свои места. Они везде теряли секунды и быстро отстали. Елена перестала оглядываться. Черное авто она там не увидит. Оно выключило фары и слилось с темнотой.

Шешель откровенно издевался над ними, Впрочем, не переступая ту грань, за которой, чтобы не потерять свое достоинство, противники его перейдут к более активным действиям. Они не смогут протаранить его. Нет. Шпионы-любители. Затеяли за ним погоню, полагая, что он обычный отставной офицер, а значит, противник не опасный, никак на хищника не похожий. Их следовало проучить. Подстроить так, чтобы «Олдсмобиль» въехал в телеграфный столб или в стену, но люди невинные тогда пострадают – хозяин дома, да и когда телеграфные провода порвутся, без связи район останется, пока сюда ремонтники не явятся и не водрузят на место поваленный столб. Надо более удобный случай подождать. Шешель отчего-то пребывал в уверенности, что случай этот ему еще представится, и, возможно, не раз. Осталось еще определить, с кем свела его судьба. Для этого хватило бы сходить в ближайшее отделение полиции, поиграть перед лицом дежурного своими документами и, ткнув в маячившие за окном три фигуры, приехавшие следом, спросить:

– Это кто?

– Ежели мешают, на время изолировать можем, – вероятно, последует предложение.

– Нет, благодарю. Просто хочу знать, кто это?

– Один момент, – полицейский побежит на улицу, посмотрит на лица, сверится в картеке.

Беда в том, а может, и радость, что Шешель был не один. Заезжать в отделение вместе с актрисой не стоило. Все он выяснит, когда объяснения с этой троицей перейдут в более тесную фазу. То, что они потеряли его авто на улицах города, еще ничего не значило. Они находились в лучшем положении, нежели он. Они легко могут выяснить, кто он и как его зовут. Исходя из этих сведений, можно вычислить и куда он едет, но для этого потребуется очень много времени. Логическая цепочка – очень сложная. Пока ее построишь, Шешель уже вернется в свою квартиру. Там его надо ждать. Там.

Он отдавал им оперативную инициативу.

Спасаломской не нравилось внимание этих нахалов. Они слишком много о себе возомнили. Они умели тратить деньги, но никак не зарабатывать их. Они были до тошноты неинтересны. Что будет, если их родители одумаются и забудут упомянуть нерадивых отпрысков в своих завещаниях?

Дерево, укрывшее весь фасад здания разлапистой тенью, служило неким подобием маяка, на который ориентировался Шешель. Он остановил авто.

– Кажется, приехали.

– Можно выходить?

– Подождите.

Спасаломская недоуменно посмотрела на Шешеля, а тот воспользовался этой паузой, чтобы выбраться из авто, обежать его, приоткрыть вторую дверь и подать Спасаломской руку, помогая ей ступить на мостовую.

Первый этаж выложен стеклом во всю ширь, но что за ним – не разглядишь дальше пары метров. Когда они вошли в залу, по нему прокатился гул голосов: «Спасаломская, Спасалом-

ская», – шептали все друг другу на ухо. Из-за того, что происходило это ритмично и одновременно, шепот усиливался многократно и стал походить на овации зрительного зала, который ждет появления на сцене любимой актрисы и так приветствует ее. Елене определенно здесь нравилось. Почему бы и нет?

Кто-то выбежал им навстречу. Нет, не официант. У тех одинаковый вид. Маленькие усики, похожие на полоску грязи. Обязательно набриолиненные волосы, гладко и аккуратно уложенные. Разыграйся даже буря, ни одна волосинка с места не сдвинется. Не бриолин, цемент какой-то. А если током его ударит – волосы дыбом встанут? Все они похожи друг на друга, как братья родные, и одеты они точно в униформу, которую шьют, вероятно, в одном и том же ателье.

Розовощекий, полноватый – жизнь хлещет из него во все стороны, как солнечные лучи в жаркий день, опалая все вокруг. Сама любезность. Он смотрел на Спасаломскую с обожанием. Странно, что он не прихватил с собой листок бумаги, а лучше афишу с ее фильмом. Когда еще представится шанс заполучить ее автограф да выставить его в витрину или в рамку, заключив под стекло, как картину, и повесить на стену, чтобы все знали – Спасаломская заглядывала сюда.

Потом он увидел Шешеля. В глазах его появилась еще большая радость. Кожа на лице могла порваться – слишком сильно натянулась она в широкой от уха до уха улыбке. Перед Спасаломской он онемел. Перед Шешелем к нему вернулся дар речи.

– Александр Иванович, какими судьбами?

– Проездом. Мне говорили, что ты неплохо устроился.

– Не жалуюсь. Пойдемте. У нас есть отдельный кабинет. Там вам мешать не будут, а кухня у нас превосходная, – он говорил это Спасаломской. Ведь он знал, что Шешель съест все что угодно. – Сейчас все будет готово.

Он суетился, хотел смахнуть со стола несуществующую пыль, но движения этого не закончил. Получилось, что он от кого-то отмахивается.

– Это и есть поэт К. С.? – спросила Спасаломская, когда бодрячок покинул их на минуту.

– Да.

– Я думала, он другой.

– Многие представляли его тонким, стройным юношей с бледным лицом. Другие – напротив – крепким и мужественным, с обветренной кожей. Действительность редко оправдывает наши ожидания. Я уверен – он принесет нам по экземпляру своей новой книжки.

– Интересно, интересно, а он не забудет принести нам что-нибудь поесть? Я начинаю чувствовать голод.

– Нет, конечно. Готовит он еще лучше, чем пишет. У моего командира он был денщиком. Эскадра души в нем не чаяла. Баловал он нас всякими разносолами.

Взгляд Елены скользнул по убранству кабинета.

Шешелю и самому было интересно, как устроился бывший денщик командира. В нем всегда проявлялась деловая жилка. Сразу было ясно, что как только он поднакопит опыта, раздобудет первоначальный капитал, то начнет приумножать и то и другое в геометрической прогрессии. Того и гляди – лет через двадцать станет владельцем огромной корпорации, придется к нему на поклон идти, денег просить.

«Неплохо» – такую характеристику дал Шешель заведению, но вслух свою оценку не высказал.

Тем временем стол стал заполняться тарелками с разнообразной снедью. Первой появилась горка блинов, на которой лежал большой кусок масла, словно снег на горной вершине. Наступила оттепель. Солнце до него добралось, и он таял, начиная сползать по склонам горы. Более естественно выглядела бы сметана. Следом возникла нарезанная небольшими кусочками семга, пироги, от которых шел горячий воздух, как от маленьких печек, плоски с икрой, чер-

ной красной. Если хозяина не остановить, то он выложит на стол все свои запасы. Судя по всему, они были обширными и их вполне хватит, чтобы жители окруженного неприятелем города в течение нескольких месяцев могли выдерживать осаду, не испытывая никаких трудностей в провианте.

Шешель не сомневался, что его желудок с испытанием справится, но вот Елена... она наверняка придерживалась новомодных французских веяний в медицине, проповедовавших постулат, что много есть – вредно для организма. Он был очень выгоден для стран Западной Европы, которые так и не смогли пока оправиться от войны и не обеспечивали свое население необходимым количеством продуктов. Определенное воздержание в пище приветствовалось правящими кругами. Но в России ситуация была совсем иной. Так и урожай в амбарах сгноить можно. Вечно от французов одни проблемы – и на войне, и после нее. Вот союзника-то бог послал. Впрочем, британцы – еще хуже. Те-то всегда себе на уме.

– Приятного аппетита.

От еды исходил изумительный запах.

Шешель почувствовал голод – он прямо-таки вырывался наружу, точно прятался внутри, тихо сидел в желудке, подговаривая желудочные соки к бунту. Стоило Шешелю рот открыть, он и слова сказать не смог, тут же захлопнул его, а то продержи он еще секунду его раскрытым, то вместо слов на скатерть полилась бы слюна, липкая, неприятная. Превосходное впечатление произвел бы он тогда на Елену.

Шешель сглотнул.

Похоже, Спасаломская за веяниями в медицинской моде не следила, оттого, видимо, что все время свое тратила на другие заботы: примерки у портных, заучивание ролей и прочее. Носик от кушаний она не воротила. Глазки ее разгорелись. И в ее желудке голод завел песню сродни той, что выводит ветер, изредка залетая в печные трубы. Не боялась она, что после сытного ужина придется несколько дней морить себя голодом.

Минуты три они только взглядами обменивались. Говорить с полным ртом обременительно и не удобно: подавиться можно и звуки не все правильно произносятся – собеседник тебя просто не поймет.

Готовили здесь вкусно. Но желудок не бездонная бочка. Он растягивается, как воздушный шар, превращаясь из малюсенькой тряпочки, валявшейся на земле, во что-то огромное, что не смогут обхватить, взявшись за вытянутые руки и несколько человек, но и он имеет свои пределы.

Заиграла скрипка.

Утолив голод, они стали наслаждаться музыкой. Беседа потекла сама собой.

Никто их здесь не отыщет. Черное авто будет метаться по ночным улицам, пока у него не иссякнут силы, пока не закончится бензин в его баке и он встанет грудой очень дорогого, но безжизненного металла. Совсем не страшной, как чучело хищника, выставленное в музее естественной природы. Вот только, если приладить на прежние места заспиртованные внутренности, ничего из этого не выйдет. Авто же очнется, стоит только плеснуть в бак немного бензина. Глаза загорятся огнем.

– Как же вы будете возвращаться? Давайте я довезу вас до дома. Где вы остановились?

Ее глаза лучились радостью и весельем. Стало ли тому причиной хорошее вино, которое извлек из своих погребов денщик, или потому что музыканты хорошо играли и место им было скорее не в ресторане, а в концертном зале, куда публика приходит послушать только их и не отвлекается на поедание заказанных кушаний.

«Он обрастает хорошими людьми очень быстро. Они тянутся к нему. У меня не так все удачно».

У Шешеля был не настолько богатый опыт общения с женщинами, чтобы понимать их жесты или взгляды. Они оставались для него существами непредсказуемыми, совсем как погода в прогнозах метеорологов. Вот светит ясное солнышко, небо чистое и ничего не предвещает ненастья, но проходит минута-другая, и небо затягивается серым занавесом, что набросил на них кто-то, кто сидит еще выше – на небесах, а потом... начинается гроза. Но все может происходить и в обратном порядке.

– Нет, нет, – сказал Шешель. – Разве в Москве есть проблемы с транспортом? Любая пролетка за несколько минут домчит меня домой, – он называл уже своим домом ту квартиру, которую предложил ему Томчин, – не сомневайтесь.

– Как знаете. И все же давайте я доведу вас до дома, – настойчиво предлагая свои услуги, она боялась чего-то, думала, что та троица, преследовавшая их в течение вечера, может выкинуть чего-нибудь. Отчего-то Елена предпочитала идти окольным путем и не говорить всю правду.

– Нет, нет, – сказал Шешель как можно мягче. Это был тот случай, когда даме в ее просьбе придется отказать. Но возможно ли такое?

Учтивый хозяин не досаждал своим присутствием во время ужина. Пробегал где-то в стороне, лишь поглядывая на Шешеля и Спасаломскую, точно любовался ими. Но когда они прощались, то едва от него отделались. Ладони Шешеля и К. С. точно склеились. Пилоту, чтобы освободиться, пришлось несколько раз встряхнуть рукой, потянуть ее на себя, и если бы К. С. не отпустил его, то вывалился бы следом из ресторана на улицу. Это его нисколько не тревожило. Отделались от него только после того, как Шешель пообещал на днях вновь зайти. К. С. расплылся в улыбке, сказал на прощание, что в любое время дня и ночи двери его ресторана открыты для них. Шешель кивнул. Спасаломская в ответ легонько качнула головой, а потом, когда К. С. уж не мог услышать их разговор, спросила:

– Как его на самом деле звать?

– Силантий Оплеухов, – сказал Шешель.

– Зря он псевдоним взял, – констатировала, смеясь, Спасаломская, – Силантий Оплеухов, да о таком имени мечтать только можно. Так и просится на афиши.

Накрапывал дождь. Очень мелкий. Скорее не дождь даже, а какая-то изморось. На стекле проступали не капли, а влага. Хорошо, что брезентовый верх в авто не стали опускать. Воды бы в салон много не набежало, но сиденья стали бы мокрыми, неприятными. Сядешь на них – зябко станет.

– Вы вымокнете, – не отступала Елена.

– Не успею, – держал оборону Шешель.

– Вы не видели, как я вожу авто.

– Надеюсь, что у меня еще будет возможность это увидеть, – Шешель перешел в наступление.

– Э-э... да. Если вы согласитесь принять предложение Томчина.

– А если нет?

– Тоже будет, – не задумываясь ответила Спасаломская, – но так у нас будет больше времени. Разве вы еще не решили?

– Решил.

– Так да?

– Да.

– Я рада, – она приписала эту заслугу себе. Но права была отчасти. Процентом этак на девяносто девять с сотыми и тысячными долями.

Они ехали медленно. Улицы были пустыми. Именно сейчас по ним можно гнать во весь опор, не боясь, что кто-то под колеса попадет или натолкнешься на телегу или другое авто.

Подвыпившего гуляку, который на проезжую часть выйдет или выползет, за версту увидишь, даже если он трупом будет на дороге лежать.

Шешель понял, что ему жаль расставаться со Спасаломской. Он увидит ее завтра. Но на студии будет много других людей. Скорее всего, она останется холодной, будто за ночь позабудет все, о чем они говорили минувшим вечером, а, увидев его, обмолвится лишь парой словечек, точно они почти незнакомы. Так оно и есть. Так и следует вести себя звезде кинематографа. Ничего другого ждать не стоит. Но повторится ли этот вечер? Может, когда на город опускаются сумерки, Спасаломская, как в сказке, обо всем вспоминает, а утром – забывает? Как бы время остановить?

Шешелю стало грустно. Давно так тоскливо на душе не было. В сердце застряла какая-то заноза. Ледышка. Из-за нее сердце замерзло, стало твердым, тяжелым, точно в камень превратилось, дышалось с трудом.

Все так быстро закончилось.

Небольшой каменный двухэтажный домик весь принадлежал Спасаломской. Два льва сторожили его.

Спасаломская как-то заметила, что дом этот стал для нее неудобен, расположен он в центре города и от суеты, царящей прямо за его стенами, никак не удастся спрятаться, вот и подумывала она переехать в другое место, поспокойнее. Томчин хотел отстроить специальный квартал, где обитали бы ведущие сотрудники его студии. И об охране от назойливых поклонников заботиться не пришлось бы. Заботой Томчина это станет, как и создание условий для отдыха и прочее, чтобы наутро голова работой была занята, а не бытовыми проблемами. Заманчивое предложение.

Крышу дома поддерживали два великана, наполовину вросших в стену. Мышцы у них напряглись, под каменной кожей бугрились титанические мускулы. На кого же они небо бросили? Как же оно без них еще на Землю не падает? Видать, они тоже были из числа почитателей актрисы, но повезло им побольше чем тем, кто каждый вечер ждет ее возле ворот студии, а она не обращает на них никакого внимания. Если остаться здесь подольше, встав под окнами, тоже в статую каменную превратишься. Вот только где ее расположить потом? Разве что у входа, вместо охранника, который будет следить за тем, чтобы в дом никто непрошеным не проник.

– Спокойной ночи, майор, – Елена позволила поцеловать свою руку на прощание. – Выспитесь хорошенько, Луна вас ждет.

«Луна, она ведь Селеной еще зовется. Их имена похожи. Может, она тоже будет ждать меня».

– Спокойной ночи, – сказал Шешель.

«Эх, добавить бы, принцесса» – он оторвал губы от атласной перчатки, выпрямился. Глаза их встретились и вновь расстались.

Служанка ждала ее, следила, наверное, за разговором, а как только она стала подниматься по лестнице, распахнула перед ней двери, но сама на пороге не показывалась. Казалось, что двери снабжены каким-то механизмом, который открывает их, как только к ним подходит хозяйка.

Окна завешаны тяжелыми бархатными портьерами. За ними спрячешься как за каменными стенами. Свет сквозь них не пробивается, а поэтому непонятно, в какой из комнат он горит, да и горит ли вообще. Все окна – темные. Только улица – светла.

Дождь перестал.

Шешель услышал, как по мостовой бьют лошадиные подковы. Отчего-то этот звук напомнил ему тот, что получался, когда Елена поднималась по каменной лестнице, а каблучки ее туфелек цокали по камню. На них тоже подковы. Маленькие. Приятный звук. Спокойный. Слушать бы его и слушать.

Шешель остановил экипаж.

– До Суворовской площади, – сказал он кучеру – бородатому мужику с красным лицом, выдававшим любителя водки.

– Садись, барин, вмиг домчу, – заулыбался он.

– Вмиг – не надо.

– Не бойся, барин. Я аккуратно вожу. Экипаж у меня с хорошими рессорами, тряски – не почувствуешь. Покажется, что в кресле сидишь и никуда не едешь.

– Хорошо. Хорошо, – отмахнулся Шешель, усаживаясь в экипаж.

Кресло действительно оказалось очень мягким.

– Ну, милая, – прошли.

Придумал бы что-нибудь другое, а то впечатление, что это пароль какой-то и, не услышав его, лошадь с места не сдвинется, заартачится, как ослик упрямый, и тогда придется держать перед мордой морковку, привязанную к палке. Иначе лошадь и шага не сделает.

Кучер щелкнул кнутом. Тот только воздух разрезал, а до лошади почти и не дотронулся, погладил лишь легонько. Экипаж тронулся.

От кучера несло луком. Картуз нахлобучен на голову залихватски, чуть вбок, открывая густой чуб, падающий на лоб. Лихой наездник. На коня его, да шашку в руки или копье. От таких германцы, австрийцы, венгры да турки как от чумы бежали. Будь настроение другое, поговорили бы о войне, но сейчас не хотелось.

Погрузившись в раздумья, Шешель за дорогой не следил, а зря. Право же, кому в голову прийти может, что ездить в экипажах – опасно. Улицы то пустынные, точно мор по ним прошел, а выжившие – из домов носа не кажут, боятся заразу подцепить. С прилегающих улиц никто выскочить не может, чтобы прямиком экипаж в борт поцеловать. И кто подумает, что извозчик окажется вовсе не милейшим человеком, в мыслях которого – как бы барину угодить, чтобы на радостях пятак-другой накинуд сверх оговоренной заранее платы за проезд, а заговорщиком. Ладно бы Шешель миллионами владел. Тогда толк был бы похищать его, выкуп требовать или вексель подписать на изрядную сумму со множеством нулей.

Сомнения стали посещать Шешеля, когда на улицах стало слишком темно.

Шешель привстал с кресла, высунулся из экипажа, в этой части города он ориентировался плохо, не излазил подворотни, чтобы узнавать их при первом же беглом взгляде. Было чувство, что улица ему совсем незнакома, а судя по времени, они должны были уже подъехать к дому, где располагалась квартира, отведенная Шешелю Томчиным.

– Ты куда меня завез? – спросил Шешель, вперив взгляд в широкую спину извозчика.

– Как же, барин, ты же сказал на Суворовскую площадь – вот я туда и еду. Уж почти приехали.

Извозчик обернулся, на губах у него была улыбка, но неестественная какая-то, приклеенная, что ли, а в глазах – страх и что-то еще, но Шешель не успел рассмотреть что именно. Извозчик опять повернулся спиной, хлестнул лошадь. Она побежала чуть быстрее.

– Не волнуйся, барин. Немного осталось.

Или показалось Шешелю, или действительно последняя фраза с подтекстом прозвучала.

Если как следует пихнуть ногой извозчика в спину, тот, глядишь, на козлах не удержится, из экипажа выпадет, а пока подниматься будет и в себя приходить, Шешель его место займет. Управлять-то экипажем – наука не хитрая, вот только Шешель не представлял, где находится и как отсюда выбираться. Лошади ведь не скажешь, как извозчику: «На Суворовскую площадь».

Так что там писали газеты в хронике происшествий в последнее время? Не состоит ли этот извозчик в разбойничьей шайке? Сажает ночью кого-нибудь в свой экипаж, завозит на окраину города, а там вместе с подельниками – грабит. Чтобы о хитрости этой полиция не прознала, жертву преступления надежнее убить, а то с живым-то свидетелем хлопот не оберешься – преступников в лицо знает. Отпустишь его, грози не грози, на следующий день во всех поли-

цейских участках портреты всей шайки появятся, каждого сотрудника ими снабдят, а ежели в масках его грабить, так все равно он извозчика видел, выдаст его, вмиг все предприятие преступное закроется. Захочет полиция побыстрее очистить улицы от подобных разбойников, то следующей ночью по всему городу будут бродить переодетые агенты. Чуть взбрызнув одежду капельками водки, чтобы запах чувствовался издали, они старательно будут изображать подвыпивших гуляк. На такую приманку разбойники обязательно клонут. Ждет их тогда либо смертная казнь через повешенье, наверняка на их счету не одна безвинно загубленная жизнь, или в лучшем случае длительная каторга.

«Ох, тоже мне приключение на мою бедную голову, – размышлял Шешель, – как же вернуться из этой прескверной ситуации?» Или чудится ему все? Выдумывает невесть что?

Не ошибиться бы только, а вдруг извозчик чист душой и ничего плохого у него и в мыслях нет. Шешель собрался, напрягся. Тело как сжатая пружина. Он пуля, загнанная в ствол. Мгновение, и его не удержать. Пора. Пора. Помедлишь – поздно будет. С одним извозчиком справиться легко, а когда вся шайка насыдет – удастся ли отбиться?

– Тпру, – натянул поводья извозчик, а когда экипаж остановился, посмотрел на Шешеля, полупривстав с козел. – Все, приехали, барин, – зубы его сверкнули в хищной улыбке.

– Ага, – сказал Шешель.

Он вложил в удар далеко не всю силу. Положение у него было очень неудобное, опираться приходилось не на ноги, а на то, что расположено сзади чуть пониже спины. К счастью, расстояние до извозчика было небольшим. Вытянутой руки с лихвой хватило, чтобы покрыть его. Не пришлось даже с места приподниматься и чуть перемещаться вперед.

Приятнее было бы ударить в зубы, разбить до крови губы. Но удар этот менее эффективен, чем в челюсть. О зубы костяшки пальцев отобьешь, кожу сдерешь до крови и в чужой крови перепачкаешься. Зачем это?

Шешелю нужно было решить, с какой руки бить, зависело от того, через какое плечо обернется извозчик. Оказалось через правое. Правым кулаком и попотчевал его Шешель.

Извозчик, крикнув, завалился на бок, слетел с козел и грузно грохнулся о мостовую, но прежде, наткнувшись ребрами на колесо экипажа, отчего внутри у него что-то хрустнуло. Он мигом лишился духа, поэтому от боли застонать не успел. В таком состоянии, если не тормозить его и не совать под нос нашатырный спирт, остался бы лежать еще с полчаса. Не меньше. Это потом, когда сознание, немного полетав рядышком с безжизненным телом, станет возвращаться в телесную оболочку, он почувствует ушибы и переломы, начнет завывать от боли, а пока он пребывал в блаженном неведении. Мостовая – холодная. В довесок насморк работает.

У Шешеля, как оказалось, в распоряжении были лишь мгновенья. Как только экипаж остановился, из подворотни, из арки одного из покосившихся, кривоватых, как нищие калеки, домов выскочили три человеческие фигуры и бросились к экипажу. Подавать Шешелю руку, чтобы тот, не дай бог, не оступился, когда из экипажа выбираться начнет, и не упал, они не собирались.

Выпавшего извозчика они подхватить под руки не успели. Один бросился к лошади, схватил ее за уздцы, чтобы не испугалась и не унесла добычу, а у Шешеля и кнута не было, чтобы отогнать нахала и подстегнуть лошадь. У него вообще ничего не было. Приходилось рассчитывать только на кулаки. Он отчего-то пребывал в уверенности, что кричи не кричи о помощи, никто не то что на улицу не выйдет, но и из окна не высунется полюбопытствовать, кто там так надрывается.

Тем временем два других незнакомца подбежали к экипажу, попробовали забраться в него, ухватить Шешеля за ноги и стащить его вниз. Они так и не поняли, что стряслось с извозчиком. Подумали, видать, что тот был неосторожен и не удержался на козлах, когда экипаж остановился. Как все неудачно для него сложилось.

В руках они сжимали грубо обструганные дубинки, которыми старались ударить Шешеля, но скорее мешали друг другу, да и пока на подножку залезешь, размахнешься, приметишься... Кто же им столько времени даст на подготовку удара. Это только на каменных статуях или на манекенах, выставленных в витринах магазинов, можно так медленно в ударах упражняться. Живые люди, если, конечно, они от страха не обомлели, ждать, пока на их голову обрушится дубинка, не станут. Начнут защищаться или сами в нападение перейдут – это, как известно, самый лучший способ для защиты. А Шешель вовсе не превратился в птичку которая посмотрела в змеиные глаза и теперь не может из-за боязни сдвинуться с места.

Кованый носок сапога пришелся первому нападавшему в подбородок. Шешель метил в зубы, но промахнулся. Удар был сильным, но челюсть вроде не треснула. Только кожа порвалась. Обливаясь кровью, нападавший отскочил назад, натолкнулся на своего напарника, едва не сбив его с ног, приложил руку к ране и заскулил от боли, размазывая кровь по лицу. Еще она капала на одежду. Но та была черной, и кровь впитывалась в нее, не оставляя заметных следов. Потом он согнулся на корточках, застонал.

Его пример на напарника совсем не подействовал. Тот тоже в экипаж полез. На этот раз Шешель прицелился получше. Он почувствовал, как хрустнули зубы после удара, а рот под сапогом превратился в кровавое месиво. Бил он от души, как по футбольному мячу, который непременно надо перебросить с одного края поля на другой. Голова от такого удара с плеч не слетит, но шейным позвонкам все же придется изрядно потрудиться, чтобы ее на прежнем месте удержать. Он тоже упал вниз, гораздо хуже своего напарника, но все же поудачнее извозчика. Так, серединка на половинку. В сознании остался, но ушибся сильно.

Выскользнувшая из рук дубинка гулко ударилась о мостовую, с таким же звуком, что и перезрелый арбуз, который, треснув, кусками разлетается, как шрапнель, в разные стороны.

– У-уу, гад.

Очухался первый из нападавших. Рот у него был разбит, но он еще мог объясняться по-человечески, товарищ его ничего не мог издавать, кроме воя, в котором от людской речи почти ничего и не осталось.

Он подобрал дубинку, все еще, видимо, не расставшись с желанием прогуляться ею по бокам Шешеля и по его голове. Страшное окровавленное лицо теперь походило на маску. Кровь казалась боевой раскраской, призванной устрашать неприятеля в ближнем бою.

И что же прикажете делать? Разбить себе нос, что ли, чтобы кровь залила все лицо, и стать обладателем точно такой же маски, чтобы и она навевала врагу ужас? Но Шешель-то ее совсем не испугался. Он выпрыгнул из экипажа, прикрываясь саквояжем, как щитом, сбил с ног одного из нападавших. Тот и замахнуться дубинкой не успел. Совсем она ему не понадобилась, опять выпала, покатилась. Он потянулся за ней, но не достал. Вскочивший на ноги Шешель припечатал его руку к мостовой, а следующим ударом послал разбойника в глубокий сон. Шешель инстинктивно подался вперед, пригнулся, не увидев ни замаха, ни удара, но чуть запоздал. Дубинка кончиком мазнула его по голове и плечу. Шешель чуть отклонился назад, голова задралась вверх и к искрам, посыпавшимся из глаз после этого удара, прибавились еще и те, что появились в ночных небесах.

Первый пришел в себя.

Разноцветные вспышки.

«Какое красивое небо. Как северное сияние», – успел подумать Шешель, отступая на несколько шагов. Он споткнулся о бездыханное тело извозчика, потерял равновесие, почти завалился назад, но сумел выправиться, обрести крепкую поверхность под ногами, а то она раскачивалась под ним, как палуба корабля, на которой и в нормальном состоянии человек мог устоять с трудом, а что уж говорить о том, кто получил дубинкой по голове.

– А-э-э.

Безусловно, разбойник разучился говорить. Он только плевался, но не слюнями, а кровью, забрызгал немного Шешеля, бросился вперед, думая, наверное, что еще одна молниеносная атака и он собьет противника с ног.

Шешель почти без замаха с уровня грудной клетки выбросил кулак вперед и немного вверх. Боль пронзила руку, как электрическим током, от костяшек пальцев до ключицы. Но нападавшему было куда как больнее. Тот точно в столб врезался на полном ходу. Его всего передернуло, руки повисли, глаза начали закатываться, веки опускаться, и он рухнул вниз, опал, как одежда, сорвавшаяся с вешалки, и остался лежать на мостовой грудой тряпья.

– Ох, – только и вымолвил Шешель, взмахивая ушибленной кистью, чтобы унять боль, будто при каждой встряске она каплями отрывалась от руки. Похоже, он тоже забыл русскую речь.

О третьем нападавшем он помнил, боялся, как бы тот не вступил в схватку, пока его товарищи еще дееспособны, но тот точно к уздечке приклеился. С места не сходил, а только смотрел на драку, рот разинув, точно на кулачный бой пришел поглазеть. Но чтобы поучаствовать – боже упаси. Теперь можно было заняться и им. Развязки событий он ждать не стал, бросился бежать, как только понял, что дело начинает принимать скверный для его компании оборот. На собственные силы он и не надеялся. Куда ему тягаться с этим офицером, если одолеть его и двое не смогли? Даже трое. Сомнения развеялись относительно причин, заставивших извозчика сверзнуться с кресел, помогли ему упасть.

Шешель за ним не погнался. Тот слишком быстро убегал, как заяц, завидевший волка или лисичку. Не догнать.

Лошадь, переступая с ноги на ногу, недовольно фыркала. Когда она поняла, что ее больше никто не удерживает, понеслась прочь, таща за собой опостылевший, громыхающий по мостовой экипаж.

Шешель лишь провожал взглядом удалявшийся экипаж. Какое-то время, после того как он скрылся за первым поворотом, Шешель еще слышал цокот копыт. Потом и эти звуки исчезли.

– Вот так влип, – сказал он, вспомнив русскую речь, посмотрел себе под ноги, где развалились извозчик и два разбойника, пихнул их ногой по очереди, но без злобы, а чтобы проверить – не получится ли их растормошить. Безрезультатно. Разбойники не стонали уже, только сопели. Тихо. Себе под нос.

– И как же я отсюда выбираться буду? – задал он риторический вопрос пустоте, но та оставила его без ответа.

Прямо хоть монетку бросай, предварительно загадав, в какую сторону идти, если выпадет орел или решка. Положиться на волю случая – выход из ситуации, но что делать, когда дойдешь до перекрестка и тогда будет три варианта дальнейшего маршрута. Монеткой такую проблему не решишь. Придется тогда на клочке бумаги гадать, что ли. Вот бы кто на улице появился – у кого спросить можно о своем местонахождении. Но скорее всего, когда к столь позднему прохожему обратишься с подобным вопросом, тот, ничего не ответив, попятится, побежит без оглядки.

И ни одной таблички на домах. Ладно уж, что говорить о металлических, на которых название улиц гравировать и номера домов, позаботились хотя бы, чтобы на стенах намалевали краской опознавательные знаки. Все они оставались безымянными, как подкидыши. Доставай краску и рисуй на углах фасадов все, что тебе вздумается. Полная свобода творчества. Можно и дальше занимать мозги всякими глупостями. Дело с мертвой точки не сдвинется от этого ни на сантиметр, разве что время незаметнее пройдет, а утром местные обитатели наконец-то выйдут из своих домов и расскажут, как отсюда выбираться. Ночью этого от них не добиться. Сидят по домам, будто по темным улицам бродит страшный зверь и у всех, кого он повстречает,

перегрызает горло и выпивает кровь. Жуть. У Шешеля мурашки по спине забегали, но не от страха, а от подступающего холода.

Он услышал шорохи под ногами, бросил к ним взгляд. Извозчик начал подавать признаки жизни, пошевелился, на локти оперся, оставаясь при этом на коленях, похожий на теленка нерадивого, который свою маму потерял и не знает, что же ему теперь делать.

Следующее действие было предсказуемо. Извозчик замычал. Вместо мамы к нему подошел Шешель, нагнулся, на корточки присел, так чтобы его голова оказалась вровень с головой извозчика. Тот что-то рассматривал на мостовой и глаз от нее не отрывал, будто потерял там чего, да все никак не мог отыскать. Нет там ничего. Пришлось ему объяснить, но не словами, потому что извозчик плохо воспринимал их сейчас. Шешель обхватил его голову ладонями, чуть вверх приподнял. На него уставились мутные пустые глаза. Через секунду в них зародилось понимание, а потом извозчик отпрянул, точно волка увидел, сел на колени, руками закрыл лицо.

– Барин, не убивай, – он отползал на коленках назад. Так и до крови их сотрет. Мало, что ли, ему?

– Ограбить хотели? – Шешель говорил как-то добродушно. Интонации такие с обстановкой не вязались.

– Нет. Что ты. Припугнуть только. Нас попросили.

– Кто? – Такого поворота Шешель не ожидал. Ему становилось интересно.

– Не знаю, барин. Он сам к нам подошел. Внешность твою описал, сказал, где тебя ждать. Не разбойники мы. Не разбойники. На деньги позарились. Пятьдесят рублей нам за тебя дали. Еще обещали.

– Ну, если имени не знаешь, так как он выглядел?

– Крепкий такой. Тебя повыше. Видно, деньги у него водятся. Он наказал тебя куда подальше завезти и припугнуть, – извозчик запнулся, подумал, не сказал ли чего лишнего, опять руками закрылся, точно удара ожидал.

– Продолжай, – милостиво сказал Шешель. С корточек он встал, а извозчик на коленях остался, точно молился на лик святой.

– Он сказал, что можно тебе руки да ноги поломать, ребра пересчитать. За увечья – надбавку даже обещал. Но убивать не просил. Нет. Да и не согласишься бы мы. И ломать тебе ничего не стали бы.

«Да, а дубинки прихватили, вероятно, чтобы мух от меня отгонять».

– Деньги попутали, – продолжал извозчик, – мы честным трудом на жизнь себе зарабатываем. Да много не выходит. А тут деньги большие за одну ночь. Вот и согласились, – он посмотрел на бесчувственные тела, заголосил: – Эх, не хотели мы, не хотели. Не убивай.

– Они тоже честным трудом на жизнь зарабатывают? – Шешель ткнул вниз рукой.

– Да, да. Приятели это мои. Ты их не убил часом? – Шешель помотал головой. – Вот ведь как. Из-за меня пострадали.

То, что это не профессиональные убийцы, Шешель понял быстро. Окажись на их месте более умелые мастера, не отделаться ему так просто. Может, из схватки и вышел победителем, но ущерб для него в этом случае был бы куда ощутимее. Не обойтись тогда только синяками да ссадинами, как бы раны посущественнее не получить.

Но даже в самый критический момент они не стали ножами щеголять. Драку вели по правилам или почти по правилам, а значит, заслуживали и соответствующего обращения.

– Сдать бы вас в полицию, – процедил Шешель, припугивая извозчика, – чтобы за деньгами неправедными не гонялись.

– Ой, не надо, барин. Посадят ведь. Потом работу не найду. А с лошастью моей что будет? – Он осмотрелся, только сейчас заметив, что экипаж его исчез, но Шешеля об этом

расспросить не решился. – Сердце подсказывало – не надо в это дело ввязываться. Но деньги-то большие пообещали. Знаешь, барин, сколько за пятьдесят рублей работать надо?

– Как ты получишь остаток? Ты сказал, что тебе ведь после исполнения приказа обещали еще денег.

– Да.

– Сколько? – Ему стало интересно, во сколько его оценил неизвестный недоброжелатель. Кому же он дорогу перешел?

– Это зависело от того, как мы тебя отделаем. Если руку или ногу сломаем – еще сотню, а если просто отколотим – пятьдесят. Мы бы тебе ничего не сломали. Били бы не сильно.

«Еще скажи – нежно».

– У меня брат двоюродный на войне был. До Вены дошел, – продолжал канючить извозчик. – Да я тебе что ты с германцами и австрияками воевал, – в ножки поклониться могу, – он и так на коленях стоял. – Что я нехристь, что ли, какой?

– Где и когда вы должны встретиться? – остановил его Шешель.

– Завтра. Вечером в шесть. На привокзальной площади. Я там стою обычно. Клиентов жду. Поездов много приходит. Людей тоже много. Хорошее место. Прибыльное. Многие там хотят стоять... Но думаю, не придет он. Мы-то ведь его приказ не выполнили.

– Все равно постой там в назначенное время.

– Конечно, конечно, барин. Знал бы, что ты боевой офицер да еще пилот, сразу отказался бы.

«Если бы ты знал, кто я, то побольше бы денег попросил, прохиндей, да дружков побольше созвал. Вижу твое нутро. Плут».

– Ты куда меня завез?

С этого вопроса Шешель уже пробовал завязать разговор с извозчиком, когда они сюда приехали. Как не вспомнить о теории, будто мир развивается по спирали. Все повторяется, только на качественно другом уровне. Шешель чуть голову в плечи не вжал, а вдруг после такого вопроса из арки выбежит еще одна группа супостатов, помногочисленнее той, что появилась оттуда в прошлый раз. Обошлось.

– Слобода это Кузнецкая.

– И как отсюда выбираться? Припоминаешь, куда я приказал тебе меня доставить?

– Ой, да до Суворовской площади отсюда быстро. Я бы тебя вмиг довез, да вот экипаж-то мой где? Все хочу спросить, да стесняюсь.

– Убежала твоя лошадка. Не стала ждать, когда ты очухаешься. Вон туда, – Шешель ткнул в ту сторону, куда вначале побежал последний из нападавших, а потом за ним помчалась и лошадь, – и один из приятелей твоих туда же подался.

– Ой, барин, можно, я пойду поищу их. Найду – за тобой вернусь, довезу и денег не попрошу.

– Не надо, – сказал Шешель, – так где, ты говоришь, Суворовская площадь?

– Там вон, – махнул рукой извозчик, но в сторону, противоположную той, что показывал Шешель.

– Не по пути, значит, – сказал Шешель.

– Нет, – извиняющимся тоном сказал извозчик.

– Ладно, иди. Но смотри, попадешься мне еще за незаконным делом, пеняй на себя.

– Что ты, барин, что ты. Да чтоб мне провалиться, чтоб сгореть, – извозчик встал на ноги и теперь пятился.

– За мной не возвращайся. Вот этих, приятелей своих, заberi, а то полежат на мостовой да простудятся. Через полчаса они должны в себя прийти. Я тоже вас не в полную силу бил. Мне, правда, за это денег никто не обещал.

- Заберу. Заберу, барин. Лошадь найду и заберу.
- Не забудь, завтра вечером ты должен стоять на привокзальной площади.
- Не забуду.

Похоже, ему предстояло провести на свежем воздухе еще не менее часа и когда он добредет до своего дома, ноги у него будут гудеть, будто он совершил длительный переход с полным вооружением. Впрочем, он ведь и сам хотел, чтобы вечер этот длился как можно дольше. Сам виноват, что все вышло так, как он и хотел.

Придя на Суворовскую площадь, он все ходил кругами, отыскивая нужный ему дом, потом, найдя его, будил сторожа, чтобы тот открыл ему подъезд, а затем, уже оказавшись возле квартиры, долго не мог попасть ключом в замочную скважину.

Отворив дверь, он зажег свет, осмотрелся.

Квартира оказалась гораздо удобнее тех гостиничных номеров, на которые мог бы рассчитывать Шешель при своих не очень больших финансовых возможностях.

Три просторные комнаты, уставленные приятной для глаз, резной мебелью темного дерева. Мягкие кресла с вышивкой на спинках так и зазывали сесть в них, взяв что-нибудь из книжного шкафа, где за стеклом пряталось от пыли и томилось несколько сотен книг в коленкорových, кожаных и бумажных переплетах.

Чуть приспущенные шторы создавали в комнате полумглу.

Шешель провел пальцем по столу и комоду, что стояли в прихожей, посмотрел, не осталось ли на них следов. Пылинок он не обнаружил.

Он вспомнил разговор, который когда-то вел со своим приятелем. Он не помнил, в каком городе это было и в какой гостинице они остановились. Но очень дорогая. Наверное, самая хорошая в городе. С позолотой повсюду. Как же иначе могли встречать знаменитых гонимых? Давно это было. Еще до войны.

– Ты знаешь, отчего номера в гостиницах, какими бы они ни были роскошными, никогда не станут уютными? – говорил приятель.

– Догадываюсь.

– Чтобы комната была уютной, надо, чтобы в шкафу висела одежда, на столе лежала книжка с закладкой все равно где, в прихожей стоять ботинки. Нужен беспорядок. Любой беспорядок. Здесь все слишком убрано. Звук какой – послушай.

Он ухнул, будто оказался в лесу, заблудился и теперь искал своих спутников. Ему ответило эхо.

– Слышишь? Как в банке. А все почему? Не уютно здесь. Хозяин нужен один.

Тогда Шешель не стал спорить с приятелем. Слишком он устал. Но не прав он был, не беспорядок делает квартиру уютной. Нет. Этого недостаточно. Нужно еще кое-что.

Шешель посмотрел на саквояж, содержимое которого показалось ему слишком маленьким, чтобы создать в этой квартире легкий беспорядок. Он оставил саквояж в прихожей и пока не торопился разбирать его содержимое, переправляя в платяной шкаф, внутри пропахший нафталином. Успеется.

Другие заботы завладели им. На душе была грусть.

Он открыл окно, впустил в комнату ветер, потом зажег свет, а окно пришлось закрыть, потому что на свет летели мотыльки. Шешелю было жалко смотреть, как они бьются о горячую лампочку, опалая себе крылья, а если бы он принялся ловить их и выпускать прочь, то промучился бы до утра, но все равно вряд ли смог освободить всех.

Как много событий. Кто бы поверил, что все это реальность. Нагадай ему такое гадалка, посмотрев на его руку, он только бы улыбнулся ей, но не поверил. Оставалось ощущение, что все это сон. Сказывалась усталость. Он давно не спал.

Шешель подошел к книжному шкафу. Книжки в одинаковых переплетах, отличавшихся друг от друга лишь цифрами на корешках коленкорových переплетов, оказались вовсе не собранием сочинений какого-то автора, а годовыми справочниками по кинематографии. Шешель вытащил последний из них, открыл на странице с буквой С, пробежал по ней глазами. С занимала несколько страниц.

Со, Сп. Вот.

«Спасаломская Елена Александровна». Возле даты рождения тактично стоял вопросительный знак. Место рождения Вологда.

Начинала свою карьеру в драматическом театре Вологды, после перебралась в Москву, где почти сразу же начала сниматься в эпизодических ролях в картинах Трауберга, Зигмунд-Ковалевского и некоторых других режиссеров. Наиболее известной работой этого периода стала роль призрака в драме «Черный доктор». С августа 15-го года стала работать на студии Томчина. Сыграла в 39 фильмах.

«Вот я и знаю о тебе почти все, – подумал Шешель. – А ты обо мне? Ничего?» Чтобы проверить это, он все же раскрыл справочник ближе к концу.

«Шелестов. Шеянов».

Конечно, ничего, связанного с его фамилией, здесь быть еще не могло. Может, на следующий год. Не написать ли ему все сейчас от руки? Он улыбнулся этой мысли, посмотрел на стол, где лежали перо и чернила, потом захлопнул книгу, задвинул том на прежнее место. Пусть все остается как прежде.

4

По комнате полз грязный луч света, будто искал что-то, поглаживая то мебель, то расстеленный на полу уже чуть вытоптанный ковер, то мягкое кожаное кресло, садился на него, чтобы чуть отдохнуть. Но это не то, что он искал. Может, комнатой ошибся и ему следовало заглянуть в другие, те, что по соседству. Он скользнул по одеялу, перепрыгнул на изуродованное шрамом лицо спящего человека, чужь задержался на веках, а потом умчался прочь.

Шешель очнулся от сна с ощущением такой сильной пустоты в душе, что у него сдавило сердце, будто кто-то сжал его. Он отбросил одеяло, сел в кровати, опустив ноги на пол, да так и замер, не зная, что ему делать. Одеться, что ли, быстро умыться, чтобы остатки сна прогнать, спуститься вниз на улицу и позавтракать в ближайшем кафе. Он не ощущал голода. Любой, даже самый вкусный кусочек торта или яичницы ему пришлось бы запихивать в рот, точно это гадость какая-то вроде протухшей мидии.

Он обшарил взглядом комнату. Попалась только одежда, висевшая на спинке кресла. Где же он сценарий забыл? Все никак вспомнить не мог. Сквозь мозги мысли просачиваются, как вода сквозь сито, ничего не оставляя, ни рыбки маленькой, ни золота крупницы. Взял ли он вообще сценарий со студии? Кажется, да. А если нет? Причитающийся ему экземпляр уже, наверное, перекочевал в стол к Томчину, а тот вообразил, что Шешель отказался-таки играть в картину, обидевшись на что-то, с режиссером разговаривать не захотел, а сценарий просто подбросил.

«Сценарий в саквояже, – пришла здравая мысль, – точно там».

Читать его не хотелось.

Чтобы прогнать пустоту в душе, Шешель был готов на все что угодно. Звонить Томчину домой – уже поздно. Тот наверняка давно на студии.

«Ну что ж, позвоню на студию».

Голос Томчина показался ему очень приятным. Шешель пожалел, что не заготовил долгую речь, а ограничился лишь одной фразой:

– Я согласен.

– Очень рад, – сказал Томчин. – Когда приедете? Нам надо подписать контракт.

В голосе хорошо скрываемая радость, но Томчину о решении Шешеля могла заранее сообщить Спасаломская. Ведь информация эта к числу конфиденциальных не относилась. Томчин обо всем мог уже знать.

– Сейчас, если вы не заняты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.